

Сергей Могилевцев

ЛЮБНОЕ МЕСТО

РОМАН

ПРОДОЛЖАЯ
ТРАДИЦИИ
БУГАКОВА

Сергей Могилевцев

Лобное Место

«Accent Graphics communications»

2016

Могилевцев С.

Лобное Место / С. Могилевцев — «Accent Graphics communications», 2016

Ремейк «Мастера и Маргариты». Молодой московский поэт Иван Барков издает свою первую поэтическую книжку, и пытается пристроить ее в какой-нибудь магазин, или, на худой конец, в газетный киоск, но это у него не получается. Выясняется невероятная, ужасная вещь: в огромной, многомиллионной Москве его маленькая книжка, практически брошюрка, выстраданная долгими бессонными ночами, никому не нужна. Ее невозможно ни продать, ни даже подкинуть в какой-нибудь магазин. От отчаяния Барков решает утопить в пруду весь тираж своей злополучной брошюрки, а потом и самому покончить счеты с жизнью, прыгнув в воду вслед за своими стихами. Но в решающий момент, когда он уже пытается это сделать, в том же самом пруду приземляется Князь Тьмы, или, иначе, Сатана, вместе со своей свитой, прибывшие в Москву на праздник Иванова Дня. Злополучные пачки стихов внесли помехи в расчеты сил зла, и они вынуждены какое-то время сушить свои великолепные рыцарские наряды, поскольку прибыли в Москву прямиком с Венецианского карнавала. Баркова тут же заставляют участвовать в шабаше, где он убивает ножом прекрасную обнаженную девушку, срывает цветок папоротника, и находит под землей сундук с сокровищами. После чего шабаш заканчивается, Князь Тьмы со свитой поселяются в квартире Баркова, а сам поэт за убийство оказывается в Бутырке, где и проводит почти два года. Программа пребывания Князя Тьмы в Москве весьма насыщена. Помимо праздника Ивана Купалы, он организует в Гостином Дворе таинственную мистерию, проводимую один раз в сто лет, выступает перед депутатами Государственной Думы, посещает московский ипподром и Красную площадь, катается на метро, и даже имеет отношение к поджогу Останкинской телебашни. В роман вставлены библейские главы: они написаны в виде снов Ивана Баркова, который присутствует при распятии Иисуса Христа, и настолько проникается библейской историей, что, фактически, становится иным человеком. Инспекция Москвы Князем Тьмы заканчивается, и, хотя его вместе со свитой принимают за опасных террористов, и пытаются

арестовать, устраивая для этого настоящие сражения с привлечением спецназа, вертолетов и катеров на Москва-реке, – тем не менее силы зла покидают Москву на речном трамвае, который взлетает в воздух, и, подобно ракете, улетает в неведомые звездные дали. В свите Князя Тьмы находится ведьма Лючия, которая некогда была Еленой Прекрасной, и в которую влюбляются многие персонажи, в том числе и Барков, который после выхода из Бутырки решает никогда не жениться, и служить исключительно своей Прекрасной Даме. Он становится настоящим поэтом. Волею сил зла, а также добра, в частности, Иисуса Христа, в романе названным Распятым, который благосклонно отнесся к Баркову, воскрешается в итоге убитая им девушка, и поэт освобождается от чувства вины. В романе также рассказывается о судьбе сокамерника Баркова, заключившего некогда по легкомыслию договор с дьяволом, который, в отличие от поэта, погибает в Бутырке. В целом роман построен из нескольких сюжетных линий, которые благополучно разрешаются к концу, подтверждая этим эпиграфы к нему из Гёте и Жоржа Батая.

© Могилевцев С., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Глава первая. Страдания молодого поэта	7
Глава вторая. Никогда не топите стихи	11
Глава третья. Вечер на Ивана Купала	16
Глава четвертая. Чертовщина в милиции	20
Глава пятая. Странная фирма	24
Глава шестая. Не стоит поджигать лифты	27
Глава седьмая. Поэт и террорист	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Могилевцев
Лобное Место
Роман

*«Часть вечной силы я, всегда желавшей зла,
творившей лишь благое».*

И. В. Гёте, «Фауст».

«Встреча со злом есть встреча с Богом».
Жорж Батай.

Глава первая. Страдания молодого поэта

Жарким июльским днем, в самый полдень, когда все живое прячется в тени, у магазина «Дом Книги» на Новом Арбате появился молодой человек. Лицо молодого человека было совершенно измученным и изможденным, по щекам у него змеились неровные струйки пота, губы были отчаянно сжаты, а в глазах начинал потихоньку тлеть дикий огонь безумия. Лет ему было около двадцати, в правой руке он сжимал большой желтый пакет, по виду очень тяжелый, так как, выйдя из метро, и, не обращая внимания на троллейбусы, пешком пробираясь под жарким солнцем к заветной цели – книжному магазину, – он несколько раз, устав, перекладывал его из одной руки в другую. Опытный наблюдатель сразу бы определил, что дела молодого человека явно плохи, и что он находится на грани физического и психического истощения. Войдя наконец-то в книжный магазин, он сразу же справился, где кабинет директора, и, подойдя к нему, долго и настойчиво упрашивал охранника пропустить его внутрь. Он доказывал, что ему надо пройти во что бы то ни стало, что у него к директрисе (из таблички, висевшей на двери, он прочитал, что это женщина) срочное дело, что он вообще может или умереть здесь, или лечь на коврик у входа, и лежать до тех пор, пока его не пропустят. Однако охранник, руководствуясь, видимо, какими-то своими, весьма, очевидно, вескими соображениями, не хотел впускать странного посетителя. Наконец, сделав отвлекающий маневр, и всем видом показывая, что он смирился с отказом его пропустить, странный молодой человек внезапно ринулся вперед, и, сделав отчаянный прыжок, заскочил внутрь директорского кабинета. Тут, видимо, силы окончательно покинули его, потому что некоторое время он не видел ничего, а только лишь ощущал всей кожей напряженное внимание, направленное на него из глубины огромной комнаты. Наконец черные мухи в его глазах исчезли, он вздохнул, огляделся по сторонам, и в глубине пустого пространства обнаружил огромный полированный стол, посередине которого красовалась необычайных размеров ваза с фруктами, а за столом и за вазой женщину в кресле, которая, очевидно, и была директоршей магазина. Женщина была похожа на львицу, вот-вот готовую прыгнуть, и растерзать этого наглого и нахального кролика, позволившего себе так бесцеремонно нарушить ее полированно-хрустальное одиночество.

– Что вам надо? – сурово спросила львица, и хищно подалась вперед, демонстрируя чистой белизны фарфоровые передние коронки, позади которых, в глубине рта, приглушенно горели золотом тяжелые коренные зубы. – Что вам надо? Кто вы такой?

– Я, видите ли, – залепетал, сбиваясь, молодой человек, – я, видите ли, литератор, можно даже сказать, поэт, и хотел бы предложить вашему магазину свою книжку стихов, которую только что издал за собственный счет. – Он, кажется, явно начинал заикаться и терять главную нить, но решил твердо довести до конца намеченное дело, и рассказать директорше самую суть. – О, вы не сомневайтесь, я действительно поэт, поскольку публикуюсь в разных, иногда даже толстых, журналах, и пишу обо всем, что занимает мое поэтическое воображение.

– Вот как? – зловеще сказала директорша, и сразу же замолчала.

– Да, да, именно так! – продолжал лепетать молодой человек. – Именно поэтическое воображение, которое не оставляет меня равнодушным вот уже долгие годы, практически с детства, и заставило издать эту книгу стихов. Между прочим, она у меня вовсе не первая, были и другие, но, знаете ли, маленькие и рукописные, почти что игрушечные, и о них не стоит говорить здесь долго и слишком подробно.

– Правда? – опять спросила директорша, и замолчала еще более зловеще, чем в первый раз.

– Конечно, – воскликнул молодой человек, – ведь нет смысла говорить о первых поэтических опытах, которые бывают почти у каждого, пускай они и оформлены в виде маленьких тоненьких книжечек. Другое дело – книжка настоящая, изданная типографским способом,

на, между прочим, мелованной бумаге, с иллюстрациями и обложкой, – такая книжка вполне может быть продана, и даже кем-то куплена, принеся тем самым ощутимый доход. – Он чувствовал, что начинает путаться, и что в глазах у него опять начинают летать черные мухи.

– Вы так думаете? – лениво спросила директорша, и, взяв с середины стола из вазы огромное краснощекое яблоко, с хрустом откусила от него чуть ли не половину.

– Конечно! – закричал посетитель, – конечно! Ведь первоклассная поэзия – это товар, который может быть куплен, и куплен за немалые деньги. Между прочим, – добавил он почему-то шепотом, – на Арбате за поэзию иногда платят в валюте. Не за всю, конечно, а только за некоторую, но ведь никогда не ясно заранее, какую вещь ты создал: шедевр, или дешевую побрякушку.

– Мы с вами не на Арбате, – резонно сказала директорша, и одним махом сожрала до конца все яблоко. Было ясно, что она действительно львица, и при случае, не поморщившись, проглотит кого угодно.

– Да, да, конечно, мы с вами не на Арбате, – засуетился молодой человек. – Ибо нелепо сравнивать Арбат и этот храм искусства и тишины, – он обвел руками директорский кабинет, и, чувствуя, что опять начинает терять главную нить, добавил;

– Впрочем, я вам сейчас покажу свою книгу, и вы сами все поймете. – Он нагнулся, и начал рыться в большом желтом пакете, который наконец-то догадался опустить на пол.

– Не стоит, это лишнее, – лениво ответила львица-директорша, сделав рукою предостерегающий знак. – Не утруждайте себя излишним показом, наш магазин не может принять вашу книгу.

– Как не может? – тихо спросил посетитель.

– Очень просто, – лениво ответила львица. – Дело в том, что мы не принимаем стихов на реализацию. Мы принимаем что угодно: любовные романы, детективы, воспоминания депутатов и прокуроров, скандальные бестселлеры, мемуары бывших любовниц, руководства по кройке, шитью и вязанию крючком и на спицах; но стихов, к сожалению, не принимаем. Стихи невозможно продать.

– Но почему? – еще тише прошептал посетитель.

– Потому, что пишете плохо! – рявкнула львица, зловеще подавшись вперед. – Пишите, как Пушкин, и тогда, возможно, мы что-нибудь продадим. А пока, извините, я занята. Алексей, Алексей! – закричала она внезапно и зло, с ненавистью глядя на раздавленного поэта.

– Я здесь, Марья Петровна, – вежливо ответил давешний охранник, который, кажется, давно уже стоял рядом, и только лишь дожидался, когда его позовут.

– Алексей, помогите товарищу выйти, – сладострастно сказала Марья Петровна, глядя на поэта с таким презрением, что тот окончательно понял, в чем разница между ним и Пушкиным. – Товарищ, очевидно, попал не туда, куда следует.

– Айн момент, Марья Петровна! – вежливо ответил охранник, злой, очевидно, за то, что его так элементарно надули. – С большим удовольствием, Марья Петровна! – он взял в одну руку желтый пакет поэта, а другой схватил его за ворот рубахи и с силой потащил к двери.

Через минуту, с позором проташенный через секции и покупателей, несчастный поэт оказался там, где и был еще недавно: на ступенях книжного магазина. Это был полный крах! Большого физического и морального унижения невозможно себе было и придумать! В голове и в глазах молодого поэта все кружилось и плыло. Было совершенно очевидно, что неудачный визит в «Дом Книги» был последней каплей в целой цепи горестей и несчастий, преследующих его в последнее время.

Молодым человеком, так неудачно пытавшимся проникнуть в «Дом Книги» на Новом Арбате, был не кто иной, как Иван Барков, известный в узких кругах литераторов московский поэт. Барков, которому было двадцать три года, действительно издал за свой счет небольшую книжку стихов, практически брошюру, которая за время мытарств по Москве стала казаться

ему большим и солидным томом, и уже две недели пытался ее пристроить, поочередно обходя магазины и книжные киоски, предлагая свои стихи сначала за деньги, а потом вообще даром. Перед этим он безуспешно пытался торговать своей книжицей на Арбате, и даже силой всучить стихи гуляющим людям, но над ним или смеялись, или кидали книгу ему в лицо, и даже оскорбляли непечатными словами. Ни к чему не привело и чтение стихов вслух – с завыванием и закатыванием глаз вверх, как это делали настоящие поэты, – над Барковым продолжали смеяться, и один раз даже попытались побить. Тогда он стал методично обходить журнальные киоски и книжные магазины, умоляя заведующих принять книжку даром, но ему вежливо отвечали, что стихи сейчас никому не нужны, и лучше бы он написал любовный роман. Отчаявшийся Барков попытался пару раз подкинуть пачки с брошюрами внутрь магазинов, торгующих книгами, но его приняли за террориста, и ему пришлось извиняться, доказывая, что это не так. В другой раз он как бы невзначай забывал их возле книжных киосков, но это опять закончилось неудачей: его догнали и заставили забрать пачки обратно. Выяснилась поразительная, ужасающая вещь: в огромной, многомиллионной Москве его тоненькая поэтическая брошюрка была решительно никому не нужна; ее невозможно было ни продать, ни подарить, ни даже куда-то подбросить; он, поэт, мечтающий о прекрасном, оказывался изгоем, над которым смеялись, которого принимали за террориста и даже неоднократно пытались побить! От ужасающей июльской жары он совсем высох и почернел, бегая по московским улицам и проспектам, а его тоненькая, изданная всего трехтысячным тиражом брошюра стала тяжким крестом, легшим на его юные плечи. Неудачный визит в «Дом Книги» был последней каплей, переполнившей его терпение: если проклятую брошюру невозможно продать, следовательно, от нее нужно избавиться; или сжечь, или утопить в каком-нибудь водоеме, а потом, возможно, броситься туда самому, покончив таким образом счеты с жизнью и с неудавшейся поэтической карьерой. Мысль об утоплении всего тиража была более предпочтительной, ибо сжечь такое огромное количество пачек с брошюрами – а их было больше пятидесяти, – было делом весьма непростым: потребовался бы бензин, а, возможно, вообще огромная печь, способная вместить в себя такой огромный ворох бумаги; да и дым от пожара был бы виден издали, а Баркову не хотелось привлекать к себе ничего внимания; он решил, что раз сам все это написал, то сам и должен все уничтожить.

Июльский зной был нестерпим. Барков, живший на Водном Стадионе возле Головинских прудов, решил, что будет топить злополучные брошюры именно там. Он даже удивился, как такая простая мысль не пришла ему в голову сразу, и зачем он вообще затеял эту эпопею с устраиванием стихов в разных неподходящих местах? Утопить их в пруду, и дело с концом! Он трясся в метро, положив себе на колени пресловутый желтый пакет, и улыбался так загадочно и так зловеще, что сидевшие рядом с ним пассажиры невольно отодвигались в сторону, чувствуя, что с этим молодым человеком творится что-то неладное. Грязное, покрытое застывшими струйками пота лицо Баркова было необычайно бледным, а огонек безумия, который в предыдущие дни только-только начинал появляться в его глазах, горел теперь ровным огнем, вспыхивая время от времени, как уголь, вынутый из-под золы и попавший в струю свежего воздуха.

Добравшись на метро до Водного Стадиона, Барков в охапку с пакетом заскочил сначала в автобус, а потом, доехав до своей остановки, выскочил из него, и, мимо родной высотки, по узкой асфальтовой тропке побежал прямо к прудам. Он решил сначала утопить те три пачки брошюр, что были при нем, а потом возвратиться домой, и постепенно перенести к пруду все до единой, выполнив тем самым свою печальную миссию. Что это за «миссия», он в точности сказать не мог, но знал, что она необычайно важна, и что от нее зависит чрезвычайно много. Так много, что об этом даже нельзя никому рассказывать.

Печален жребий поэта, вынужденного топить в пруду собственное сочинение! Для того ли растила его любящая мать, для того ли он испытывал приступы бешеного вдохновения,

не спал по ночам, мучился поиском идеала, заносил в блокнот дрожащей рукой вдохновенные и пылающие стихи? Для того ли он испытывал холод и голод, живя в полутемной мансарде, обходя без конца редакции газет и журналов, и наконец, в прекрасный и радостный день, испытал высшее счастье, которое только может испытывать поэт: увидел свои стихи напечатанными? Для того ли он устраивал веселые кутежи, созывал по вечерам на веселый пикник друзей и знакомых, и, захлебываясь от восторга, читал навзрыд свои сочинения? Для того ли познал он печаль и любовь, для того ли жил двадцать три года на свете, чтобы в один злощастный день, заливаясь слезами отчаяния, бросать в пруд пачки своих вдохновенных стихов? Воистину, и кровному врагу не пожелаешь такое! А ведь именно это делал сейчас Барков, ибо, миновав собственную высотку, в которой жил уже несколько лет, он направился прямо к пруду, заросшему осокой и ряской, и, поставив на землю свой желтый пакет, вытащил из него пачку стихов. Сложные чувства переполняли его большое, помутненное двухнедельными мытарствами, сознание. Ненависть и гнев, любовь и надежда, отчаяние и какая-то крайняя решимость толпились сейчас в нем. И все вместе это сливалось в одну простую и очень ясную мысль: этот край пруда, у которого он сейчас стоял, и есть, возможно, край его жизни. Назад дороги у Баркова уже не было.

Глава вторая. Никогда не топите стихи

Прудов, собственно говоря, было несколько, но к главному из них, самому большому, с лодочной станцией и неизменными рыбаками, часами просиживающими на его берегах в ожидании неизвестно чего, Барков не пошел. Он выбрал один из небольших соседних прудов, окруженный склонившимися к нему зелеными деревьями, заросший камышом и другими водными травами. Уже на подходе к прудам он испытал некое беспокойство и удивление. Начиная темнеть, и вокруг прудов то здесь, то там вспыхивали огоньки, которые на поверку оказывались кострами, окруженными веселым подвыпившим людом. Ошалевшие от жары москвичи привычно устремлялись к прудам, и увидеть здесь костер было не редкость; но сегодня их было на удивление много, да и шальный народ валил отовсюду целыми толпами, так что Баркову то и дело приходилось уворачиваться со своим тяжелым пакетом, опасаясь, как бы его не сбила с ног какая-нибудь веселая парочка, или ватага полоумных молодых людей. Дальше пошло больше: вокруг некоторых из костров начались дикие оргии, через них стали прыгать вымазанные сажей, одетые в невероятные костюмы человеческие существа, слышались хохот, дикая музыка, в ответ которой из глубины прудов сердито кричали утки и верещали лягушки. Барков, однако, и это счел совершенно нормальным, ибо страшная жара в Москве могла помрачить разум кого угодно, и спасались от нее кто как мог. Но когда навстречу ему попала совершенно голая девушка, на голове у которой был венок из болотных лилий, а в руках – огромный букет цветов, он все же шарахнулся в сторону, и пошел к заветной цели по траве, не разбирая дороги, то и дело натываясь на пустые бутылки и кем-то брошенные тлеющие костры. Возле одного из костров, через который прыгали ряженые, он услышал слова: «Иванов День!», и краем сознания сообразил, что это, очевидно, вечер на Ивана Купалу, в который вообще должна случаться всякая чертовщина, и что чего уж тут удивляться на голых девиц, пустые бутылки и веселые хороводы?

Уже стемнело настолько, что местность вокруг освещалась только кострами, да редкими болотными огнями, которые то тут, то там вспыхивали бледным пламенем среди болотной травы. Вдали, как сторожевые башни, сверкали электричеством многоэтажки. Барков размахнулся, и бросил в пруд первую пачку со своими стихами, – она ушла в воду плавно и не спеша, словно еще надеялась на то, что в последний момент, одумавшись, ее вытащат обратно. Точно так же, – не спеша, и словно надеясь на что-то, – утонули еще две пачки стихов. «Сейчас вернусь домой, и постепенно перетоплю все оставшиеся, – отчаянно подумал Барков. – Ни одной пачки в живых не оставлю, пусть погибают, как последние гады. А потом и сам утоплю!» В этот момент в воздухе послышался свист, и в воду, в том самом месте, где утонули стихи, врезалось что-то пестрое и тяжелое. Барков с удивлением посмотрел вверх, и подумал: «Наверное, метеорит; но как странно, и почему именно здесь, к тому же накануне Ивана Купала?» Тем временем, со свистом сверкнув в воздухе, в воду рядом с ним врезались еще несколько пестрых и тяжелых предметов, а потом из воды показалась голова, одетая в широкополую огромную шляпу, облепленную мокрой травой, сверху которой сидела лягушка. «Началось!» – подумал Барков, и от удивления сел на траву. Вслед за шляпой из воды показался человек, одетый в роскошный карнавальный костюм, сбоку которого на перевязи болталась огромная шпага. На ногах у него были ботфорты с отогнутыми краями, на руках – белые манжеты, а на поясе – огромная сверкающая пряжка, в которой отражались огни болотных гнилушек. Человек – а это был молодой мужчина с длинными завитыми волосами и маленькими черными усиками на смуглом лице, отряхнулся, затем снял с себя шляпу, и, с отвращением сбросив с нее лягушку, водрузил обратно на голову. «Славно приземлились, – весело сказал он, не рассчитали всего каких-нибудь пару метров. Милорд, безусловно, будет в ярости, надо валить все на Лепорелло, он у нас числится в бомбардирах!» Вслед за тем из воды вылез тот, которого, очевидно, звали

Лепорелло: это был совсем еще юноша, не старше, во всяком случае, самого Баркова, одетый так же роскошно и карнавалю, как первый гость. В руках он держал старинную карту с рисунками и непонятными надписями, ничуть не намокшую от воды, на которой пальцем прижимал какую-то точку, имеющую, очевидно, для него особое значение. «Как странно, – задумчиво сказал новый гость, разглядывая на карте то самое место, которое он только что прижимал пальцем, – как странно, Кармадон, ведь все было рассчитано правильно; я заранее все осмотрел и просчитал, не иначе, это Гаспар с картой забавлялся, он всегда использует ее, как мишень для стрельбы!»

– Это не мое дело, Лепорелло, – ответил тот, которого назвали Кармадоном, – я не обязан следить за сохранностью карты, у меня есть дела поважнее этого. Будешь сам объяснять его милости, почему мы опустились не на землю, а в воду. Думаю, что не избежать тебе хорошей взбучки сегодня!

– Тебе, Кармадон, только бы устроить кому-то взбучку, или организовать парочку локальных конфликтов, чтобы потом расхаживать по полю между цветочками и поверженными телами. Жестокое у тебя сердце, Кармадон, это говорю тебе я, Лепорелло, все помыслы которого устремлены к возвышенному и прекрасному!

– Можете засунуть свое возвышенное и прекрасное туда, где его уже никто не достанет, – с жестоким смехом сказал Кармадон, – сегодня у нас другие обязанности. Вытягивай лучше из тины Лючию с Гаспаром, да смотри не попадись под руку его милости.

Из воды последовательно были вытащены Лючия, оказавшаяся очаровательной, с точеными чертами лица барышней, одетой в роскошный бальный наряд, местами, впрочем, попорченный болотной водой и тиной, и прекрасный кудрявый малыш лет примерно пяти, наряженный, как кукла, держащий в руке пресловутую поэтическую брошюру Баркова, которую он, еще в воде, начал с любопытством листать, с трудом шевеля пухлыми детскими губами, и прозносая вполголоса какие-то строки.

– Ты, Лючия, как всегда, обворожительна, и стоишь всех женщин мира, – галантно раскланялся перед ней Кармадон. – Надеюсь, что первый выход в свет на этой странной московской земле ты совершишь рука об руку со мной, а не с Лепорелло!

– Предоставь уж это решать мне, с кем я выйду сегодня в свет: с тобой, или с Лепорелло! – ответила темпераментно, отряхиваясь от воды и тины, Лючия. – Я, слава его милости, сама себе хозяйка, и хожу с тем, с кем пожелаю!

– Не приставай к Лючии, Кармадон, – воскликнул Лепорелло, продолжавший на траве возиться со своей картой, которая казалась воцеленной, и на которой отдельными крупными каплями блестела вода, – и лучше помоги выбраться Гаспару, малыш совсем зачитался прелестной книжицей, вытасценной им напрямиком из пруда.

– Вот как, а что это такое? – с любопытством спросила Лючия, встряхивая длинными рыжими волосами, и втыкая в них огромную белую лилию, которую, нагнувшись, сорвала тут же у берега.

– А это он читает стихи одного современного трагического поэта, который из-за того, что его никто не хочет купить, решил утопиться в пруду, – все так же со смехом сказал Лепорелло.

– Утопиться в пруду? – вот глупости! – удивленно воскликнула Лючия. – Поэтов ведь обычно не покупает никто, потому что это не петрушка и не укроп, которые можно продать подешевле. Настоящая поэзия ценится лишь знатоками; я, например, за стихи, посвященные лично мне, не пожалела бы ничего, что имеет скромная девушка.

– А разве она что-то имеет? – загадочно и грубо спросил Кармадон.

Лючия лишь презрительно посмотрела на него, и продолжила вдевать в свои роскошные волосы, которые, между прочим, необычайно быстро высохли, белую лилию. Так же быстро, кстати, высохли наряды и ее спутников. Тем временем из воды извлекли крошку Гаспара, который, держа на отлете книжку стихов, продолжал вполголоса читать поэтический текст.

– Трудно переводить с русского на итальянский, – со смехом сказал Лепорелло.

– У крошки Гаспара большие способности, – возразила на это Лючия. – Помнится, в Париже, в Вальпургиеву ночь, он читал в подлиннике Гомера, не обращая внимания на всю эту резню, что творилась вокруг.

– Способность к языкам – это врожденное свойство, – поддержал разговор Кармадон, – оно или есть, или его нет. Я, например, как не научился в свое время говорить на санскрите, так и до сих пор не умею. На персидском могу, на китайском могу, на древнеарамейском, и даже на языке царства Ур, а на санскрите, хоть убей, не могу!

– Видимо, в детстве, когда начинают учить языкам, тебя нянька уронила во время прогулки, – вставила шпильку ехидная Лючия. – Какой уж после этого санскрит, теперь тебе остается только китайский.

– Но-но, старая ведьма, попридержи свой язык! – закричал, хватаясь за шпагу, Кармадон. – Ты сама живешь на земле уже столько лет, что могла бы выучить и язык троглодитов, если бы захотела. К несчастью, твои помыслы лежат вовсе не в лингвистической области. Смотри, как бы я не стал твоим учителем, и не обучил тебя необходимым манерам!

Лючия собралась ему что-то ответить, но тут из пруда раздался тяжелый вздох, и над водой показалась еще одна шляпа, гораздо больше размерами, чем у Кармадона и Лепорелло. Спорщики сразу же притихли, и даже Гаспар оставил свою книжку стихов, и почтительно обернулся к воде. Из воды величественно поднимался тот, кого только что называли милордом, и в свите которого, очевидно, состояли все вышеперечисленные персонажи. Это был высокий осанистый вельможа с необычайно бледным лицом, гораздо более старший, чем Лепорелло и Кармадон. По виду он был одет, как король, имел на боку шпагу, а на поясе – широченный ремень с пряжкой, выполненной в виде Адамовой головы, белоснежные манжеты и ботфорты с такими длинными отворотами, что, если бы их расправить, в сапоги весь целиком ушел бы малыш Гаспар, тоже, очевидно, необходимая часть свиты выходящего из воды царственного господина. Вид его был мрачен и не предвещал ничего хорошего.

– Милорд! – в отчаянии заломил руки Лепорелло, стараясь поймать взгляд важного господина, который с отвращением отряхивал свой роскошный наряд, снимая с него водоросли и пиявок. – Милорд, произошло досадное недоразумение, в котором нет и грана моей вины! Все расчеты были сделаны правильно, и если бы не злополучные пачки стихов, брошенные в воду как раз перед нашим прибытием, и внесшие помехи в расчеты, – он поднял с травы лежавшую там карту, и протянул ее вперед, – если бы не эти досадные помехи, вызванные посторонним вмешательством, все прошло бы на редкость гладко. Поверьте, милорд, во всем виноваты стихи, и не больше того!

– Что ты мелешь, какие стихи? – сурово спросил вельможа, садясь на неизвестно откуда взявшийся стул, услужливо подвинутый ему Лючией, и выливая из ботфорт воду пополам с травой и неизменной лягушкой. – Какие стихи, что еще на этот раз ты придумал для своего оправдания?

– Стихи, стихи, – заторопился Лепорелло, – самые настоящие стихи, милорд, брошенные в воду поэтом, который после этого решил утопиться. Если бы не мы, милорд, он бы уже сиганул в пруд вслед за стихами.

– Вот как? – немного смягчаясь, ответил вельможа. – Поэты просто так не прыгают в воду. Он что, безнадежно влюблен?

– Хуже того, милорд, – его не хотят признавать. Он не может продать свою первую книжку, – тоненькую брошюру, которая кажется ему увесистым томом, – и потому, движимый отчаянием и безумием, решается покончить с собой. Чистый театр, милорд, сюжет в духе итальянских трагедий, и, заметьте, не где-нибудь в знойной стране в период дремучего средневековья, а в суровой и снежной России в эпоху просвещения и прогресса!

– Прогресса не существует! – сурово ответил сидящий на стуле вельможа. – Разве что в деле усовершенствования паровоза. Или велосипеда. Впрочем, не будем вдаваться в эти вопросы, они к данной ситуации отношения не имеют. Так где же он, герой классической итальянской комедии?

– Трагедии, милорд, скорее – трагедии! – решил поправить его Лепорелло.

– Нет, друг мой, здесь больше элементов комедии, чем трагедии. Несчастливая любовь отсутствует, нищеты и скитаний без гроша в кармане я тоже здесь не усматриваю. А то, что поэт слегка помешался – так это ведь обычное дело. Все поэты немного помешанные, без этого и писать было бы невозможно.

– Не надо ли, милорд, усугубить его помешательство, и довести эту комедию до логического конца? – подал голос молчавший до этого Кармадон. – То есть, милорд, я имею в виду, не взять ли нам на себя роль авторов пьесы, и не сделать ли этого незадачливого самоубийцу главным героем комедии, введя в нее новые персонажи и украсив сюжет необычайными приключениями? То-то будет потеха, тем более, что и декорации для этого подобраны неплохие: как-никак, вечер на Ивана Купалу в самом разгаре!

– Пожалуйста, милорд, пожалуйста, – захлопала в ладоши от восторга Лючия. – Разыграем эту комедию, и пусть он в ней будет главным героем. Пусть окончательно помешается, и совершит нечто такое, от чего потом всю жизнь не сможет прийти в себя. Или станет в итоге гениальным поэтом, или совсем свихнется, и окончит жизнь в желтом доме!

– Дело прежде всего, – сурово сказал вельможа, справившись, наконец, с ботфортами, и вновь одев их на ноги. – Сначала дело, а уж потом все остальное. Ну что ж, против приключений поэта я ничего не имею, пускай участвует в представлении. Но главное – это вечер на Ивана Купала. Кстати, а где же сам злополучный поэт, и где та книга стихов, из-за которой он хотел утопиться?

– А вот он, поэт, – небрежно проронил Лепорелло, указывая на сидящего с открытым ртом на траве Баркова, который от нереальности происходящего, кажется, впал в настоящий транс. – А книжка стихов у Гаспара, он ее, кажется, уже выучил наизусть.

– А, ну что ж, поэт, как поэт, – небрежно отозвался вельможа, – выглядит типично для всей этой братии. А что, Гаспар, не прочитаешь ли ты нам что-нибудь из поэта?

– Охотно, милорд, охотно, – отозвался детским голоском Гаспар, и, тряхнув завитыми кудряшками, звонко продекламировал нечто длинное и заумное, где были и распятый Христос, и Понтий Пилат, и сам поэт, запутавшийся в хитросплетениях жизни.

Гаспар закончил стихотворение, и на некоторое время у пруда воцарилось молчание.

– Мда, – сказал, усмехнувшись чему-то тот, которого называли милордом. – Не знаю даже, что и ответить. Я не эксперт по части поэзии, и не могу судить, хорошо это, или дурно. Но вообще скажи мне, Гаспар, неужели теперь так пишут?

– Пишут, милорд, пишут, и еще даже похлеще. Вообще-то говоря, это не Петрарка, и не Гомер, но поэтическая струнка у него определенно имеется. Ему, милорд, не хватает классического образования, что-нибудь на библейские темы, милорд, с обязательным эффектом присутствия. Отправьте его, милорд, куда-нибудь в Палестину, пусть погуляет там и пообщается с первоисточниками. Возможно, после этого он и писать начнет по-другому. Исторического материала ему не хватает.

– А я бы этого поэта, не церемонясь, отправил прямо в Аид, – зловеще сказал, стряхивая щелчком с манжета кусок болотной травы, Кармадон. – Из-за его книжки мы все промокли насквозь. Могли бы и вообще утонуть, будь здесь поглубже.

– Злые духи, вроде тебя, Кармадон, не тонут в воде, – не преминула ехидно кольнуть его Лючия. – Они не могут ни утонуть, ни быть убитыми иными способами, так что не надо преувеличивать и стущать краски. Твоя бы воля, ты бы всех передушил и отправил в Аид.

– И тебя бы в первую очередь, ведьма! – зловеще схватился за клинок Кармадон.

– Руки коротки! – показала зубы Лючия. – Скорее бабушку свою отправишь туда, чем меня!

– Стоп, стоп! – захлопал в ладоши вельможа. – Избавьте меня от своих препирательств. Итак, решено: поэта отправляем странствовать в Палестину; не сразу, разумеется, сначала пусть поучаствует в представлении; кстати, он ведь где-то рядом живет?

– Прекрасная квартира в ближайшей высотке, – с радостью проинформировал Лепорелло. – Досталась в наследство от покойной тетки три года назад. Четырнадцатый этаж, правда, и лифт весь исписан подростками, но что же касается видов, открываемых из окна, то они, милорд, ничем не уступят итальянским шестнадцатого столетия. Сплошные пруды и заброшенные каналы, прямо как на картине у Леонардо, той самой, где вы позируете в роли женщины.

– В роли Моны Лизы, – услужливо уточнила Лючия.

– А, этот гениальный художник? – усмехнулся чему-то вельможа. – Он действительно изобразил меня в роли женщины с той странной улыбкой, которой я соблазнил Еву в райском саду. Дремучие люди до сих пор спорят по поводу этой улыбки, не понимая суть ее тайной прелести.

– Не только спорят, но даже и тиражируют ее миллионными экземплярами.

– Это их дело, – равнодушно ответил вельможа. – Мне, впрочем, больше нравится мужское обличье и тот наряд, который на мне одет.

– Разумеется, милорд, – весело защебетала Лючия. – Мы ведь только что с Венецианского карнавала. Подумать только, какая экзотика: шестнадцатый век, и все до единого веруют в Бога и в вас!

– В меня, Лючия, верят не так, как в Бога. В меня верят, как в Его вечного антипода, и это меня, разумеется, огорчает. Впрочем, ближе к делу. Итак, с поэтом, кажется, все решено, и с его квартирой, раз вы ее одобряете, тоже. Сколько там, кстати, метров?

– Двенадцать, – сконфуженно сказал Лепорелло, – и совсем небольшая кухня, но я, милорд, предлагаю уплотнить соседей на этаже. Пусть временно переедут в другое место.

– Идея неплохая, прохвост, – с усмешкой сказал тот, кого называли милордом, – и я ее одобряю. Итак, не будем терять времени, и начнем праздник Иванова Дня. Гаспар, почему нет костра?

– Сию минуту, милорд! – звонко ответил златокудрый мальчик, и, взяв в руку большой, изогнутый, неизвестно откуда появившийся лук, вытащил из-за спины длинную золотую стрелу, и со свистом пустил ее в черное московское небо. В небе послышался крик, и тотчас на землю перед компанией упал пронзенный стрелой черный ворон, который, вспыхнув ярким слепящим светом, вмиг превратился в добрый костер, сложенный из больших дубовых поленьев. Вся компания уселась перед ним на высокие черные стулья, покрытые дорогой резьбой, и стала греть озябшие руки. Праздник Иванова Дня начался.

Глава третья. Вечер на Ивана Купала

Местность вокруг странным образом стала преображаться. Вдобавок к уже цветущим водяным лилиям распускались новые, вытягиваясь прямо из воды к бледному свету Луны. Слышался шорох растущих побегов мака, паслена и головолома. Целые поляны белены появлялись то тут, то там, одурманивая людей резким пьянящим запахом. Из земли показывались головки подсолнуха, и, быстро вытягиваясь к небу, покачивались уже на слабом ветру, наклоня свои тяжелые, наполненные семечками чаши вслед движению ночного светила. Вдоль дорожек и тропинок расцвел цветок иван-да-марьи, и две его головки – желтая и синяя, – соединились друг с другом в страстном объятии, как брат и сестра, объятые внезапной преступной страстью. Целые хороводы болотных лягушек принялись исполнять невероятные концерты, заглушая своей навязчивой музыкой остальные звуки большого города. То тут, то там, с прудов взвивались к небу караваны уток, и, в испуге, улетали куда-то прочь, а на их место, на купы стоящих у воды деревьев, опускались черные стаи воронов. Мертвенный свет Луны заливал все вокруг, высвечивая местность до малейшей травинки, и сквозь его непрерывный мертвый поток не видно было ни огней стоящих поодаль высоток, ни обычного сияния ночного московского неба, сквозь которое не видно ночных звезд. И, наконец, где-то в дальнем углу прудов, за громадными трехсотлетними дубами, за купами деревьев, рядом с остовом старого полусгнившего дерева, облепленного белыми ядовитыми грибами, в зарослях дремучей травы, распустился красным огнем цветок папоротника.

– Свершилось! – вскричал страшным голосом тот, кого называли милордом. – Продолжим комедию. Дайте ему в руки нож, и пусть он сделает то, что должен сделать.

Лючия, сидевшая до этого на стуле возле костра, подскочила вдруг к Ивану, который так и продолжал сидеть на траве, находясь в некоем трансе от нереальности всего происходящего, и вложила ему в руку нож.

– Иди, и убей ее, – зловеще шепнула она ему в ухо.

– Кого? – удивился Иван.

– Ее, свою злодейку-сестру, которая соблазнила тебя, – жарко зашептала Лючия.

– У меня нет сестры, – слабым голосом ответил Иван, – и меня никто не соблазнял.

– Есть, миленький, есть, – гладила его по голове Лючия и жарко шептала в ухо слова, которые раскаленным железом врезались ему в мозг, подчиняя своей страшной воле, – есть, у каждого человека есть сестра, но иногда он об этом не знает. Убей ее, Иванушка, убей эту змею и разыщи цветок папоротника. Если разыщешь, то станешь поэтом, которого еще не видели в Москве.

– Это правда, – встрепенулся Иван, – я стану знаменитым поэтом?

– Еще как правда, – жарко и льстиво ласкалась к нему Лючия. – Таким знаменитым, что будешь сидеть на своем этаже, словно в башне из слоновой кости, и писать стихи о Прекрасной Даме. Таким знаменитым, что даже дух у тебя захватит от этой знаменитости. Ну иди же, иди, – легонько подталкивала она его в спину, – и сделай то, что ты должен сделать. Убей ее, и отыщи цветок папоротника. А не сделаешь этого, не быть тебе, Иванушка, знаменитым.

– Хорошо, я сделаю это, – страшно закричал Иван, поднимаясь с травы, и, схватив нож, решительно бросился вон от костра.

Вокруг горело много огней. Сотни людей, обезумев от вина и жары, скинув с себя почти всю одежду, бегали среди цветов по высокой траве, сидели кучками у огня, прыгали через костры и от избытка чувств пели всяк на свой лад. Иван, зажав в руке нож, шел через траву с решимостью человека, обязанного совершить некий подвиг. Он уже забыл, что это будет за подвиг, но точно знал, что обязательно его совершит. Перед ним в свете костров на миг показывались веселые и потные лица, он перешагивал через тлеющие уголья, задевал плечом каких-

то людей, и многие, увидев в его руке нож, с криками шарахались в сторону. Кое-где у костров жгли соломенные чучела, одетые в женские платья, и Иван понял, что это жгут ее, соблазнительницу и развратительницу, называвшуюся его сестрой. Он мучительно старался вспомнить, как же зовут его сестру, и вдруг сообразил, что ее зовут Марьей. И в ту же секунду он увидел саму Марью: обнаженную, совсем молоденькую, необыкновенно красивую, с распущенными волосами, змеившимися по ее плечам и груди и с венком белых лилий, одетым на голову.

– Это ты, Марья? – страшно закричал он.

– Да, Иванушка, это я, – ответила Марья. – Но где ты был, чем занимался все это время?

– Я писал стихи, – с ненавистью ответил Иван, чувствуя, насколько ненавистна ему эта молодая обнаженная девушка, – но, впрочем, это не важно. Это, Марья, совершенно не важно, потому что я пришел убить тебя!

– Убить меня? – удивилась Марья. – Но за что ты хочешь убить меня?

– За то, что ты соблазнила и развратила меня, – со злостью ответил Иван.

– Это не я, Иванушка, это все она, – вскричала в испуге Марья, и показала рукой на соломенное чучело ведьмы, которое как раз в этот момент сжигали на соседнем костре. – Это она погубила тебя!

– Нет, врешь, проклятая, это все ты! – закричал страшно Иван, и, подбежав вплотную к Марье, ударил ее ножом в грудь. Кровь брызнула ему в лицо и на руки.

– Убили, убили! – закричали вокруг. – Хватайте, ловите убийцу!

Но почему-то никто не стал ловить Ивана, и только лишь в ухо вновь зашептал ему ласковый голос Лючии:

– Молодец, Иванушка, молодец, так ей, проклятой, и надо! А теперь иди, и отыщи цветок папоротника!

Иван протиснулся сквозь толпу обступивших его людей, и, даже не посмотрев на Марию, ринулся вперед по высокой траве, не разбирая дороги. Лицо и глаза его были залиты кровью, и он не соображал, куда держит путь. Несколько раз он наступал на какие-то колдобины, пинал ногами пустые бутылки, которые во множестве валялись вокруг, заходил по пояс в теплую воду, и, хватаясь за косы прибрежных трав, выбирался на илистый берег. Он прошел по изогнутому мостку, перекинутому через один из прудов, и, наткнувшись на ствол огромного, поваленного бурей дуба, на котором росли большие, неправильной формы грибы, вышел на открытое место, со всех сторон окруженное деревьями и высокой травой. То, что он увидел посреди этой поляны, опять немного смутило Ивана. Посередине на большом троне сидел тот, кого недавно еще называли милордом. Только теперь он был одет в глухой черный костюм, застегнутый до горла на все пуговицы, и имел вид вполне приличного господина: так мог бы смотреться какой-нибудь управляющий крупной железнодорожной компанией, или, к примеру, директор банка. Вокруг трона находилось великое множество разных лиц, количество которых все прибывало: со всех сторон на поляну верхом на метлах слетались обнаженные женщины, которые, стыдливо подойдя к трону, целовали у черного господина пухлую белую руку, и, сделав реверанс, говорили: «Приветствую тебя, Князь Тьмы!» Кроме женщин, здесь находились и полунагие мужчины, одетые кто в один лишь галстук, кто в нижнее белье, а кто, не беря, разумеется, в счет носки и туфли, вообще ни во что, которые, очевидно, прибывали сюда на автомобилях, потому что совсем рядом слышался вой моторов, протяжный визг тормозов и резкий звук автомобильных сирен. Мужчины также говорили: «Приветствую тебя, Князь Тьмы!», и целовали белую пухлую руку.

«Ага, вот оно что, – подумал про себя Иванушка, – вот, значит, что это за птица!»

Он остановился на краю поляны, и стал внимательно вглядываться в лица присутствующих, прибывших сюда, как уже говорилось, кто верхом на метле, а кто хоть и в автомобиле, но в нижнем белье. Неожиданно многие лица показались ему знакомыми! Более того, он с удивлением обнаружил здесь своих собратьев по цеху поэтов, известных артистов, политиков, и

даже депутатов Государственной Думы! «Вот ловкачи, – с восторгом подумал Иван, – значит, и они продали душу черту; а ведь ни за что бы не догадался, если бы не увидел своими глазами!»

Он вышел, шатаясь, на поляну, остановился посередине, тревожно оглядываясь по сторонам. Хоровод обнаженных тел замелькал у него перед глазами. Голые женщины с хохотом кружили вокруг него, гладили по щеке, шептали на ухо какие-то непристойности. Между прочим, мужчины тоже шептали непристойности, и это особенно возмущало Ивана. «Хорошо еще от женщин, пусть и от ведьм, слышать такого рода соблазны, – подумал он, – но от мужиков, да еще от таких солидных, как артисты и депутаты! нет, это, пожалуй, слишком!» Он размахнулся, и со всех сил врезал по уху какому-то похотливому старику, как раз в этот момент наклонившему к нему свиное рыло. Поднялся дикий крик, старик заверещал, как свинья, ведьмы вокруг запрыгали и захлопали от восторга в ладоши, но тут грозный окрик, раздавшийся с трона, вмиг охладил пыл разбушевавшейся толпы. «Довольно! – громовым голосом вскричал тот, которого называли Князем Тьмы. – Довольно, оставьте его. Он еще не сделал того, что должен сделать!» Толпа вмиг расступилась, и Иван увидел впереди себя, за поляной, в зарослях высокой прибрежной травы, яркий, непрерывно наливавшийся все большим и большим светом, огонь. Этот огонь жег ему глаза и тянул к себе, как магнит. Иван вдруг понял, что это и есть тот самый цветок папоротника, ради которого он только что убил свою сестру, и сорвать который он должен любой ценой, потому что от этого зависит вся его дальнейшая жизнь. Он, шатаясь, пошел вперед, покинув освещенную огнем костра поляну, и вступил на влажную от росы траву. Красный цветок был совсем рядом, у самой кромки воды, он рос, покачиваясь на длинном изогнутом стебельке, и освещал все вокруг красным мерцающим светом. Иван протянул руку, и сорвал его. Раздался торжествующий крик сотен голосов, и в ту же секунду вся местность вокруг прудов осветилась огнем множества кладов, лежащих в разных местах совсем недалеко от земли. Здесь были огромные сундуки, наполненные червонцами и самоцветами, медные котлы, до краев набитые золотом, глиняные кубышки, набитые серебром, шкатулки, полные жемчуга и бриллиантов, до краев полные кольцами, брошами и диадемами. В одном месте была видна под землей дорогая, усыпанная камнями корона, в другом – огромный царский трон из чистого золота. Дно же самих прудов искрилось от целых пригоршней золотых и серебряных монет, лежавших там под слоем толстого ила. Совсем рядом с Иванушкой, так близко, что он мог бы дотронуться до него, лежал под землей огромный черный сундук, стянутый со всех сторон железными пластинами, до краев полный золота и камней, которые блистали и сверкали искрами, как хороводы ночных звезд. Иван нагнулся поближе, чтобы лучше разглядеть этот сундук, и вдруг с ужасом отшатнулся, увидев, что сверху его, раскинув руки и косы, лежит окровавленная Мария, только что убитая им. «Так вот, значит, какой ценой заплатил я за это сокровище, и за то, что прославлюсь в Москве! – подумал Иван. – Так вот, значит, что им всем было надо! Золото, негодяи, решили загрести чужими руками!» И действительно, вся стоявшая позади него толпа голых мужчин и женщин с воплями кинулась к лежащему под землей сундуку и стала кто руками, а кто и какими-то палками откапывать его. Миг, и вот уже сундук был откопан и перетащен на середину освещенной костром поляны. В том же месте, где он был закопан, на самом дне глубокой и темной ямы, лежало бездыханное тело Марии. Иван хотел броситься к этому бездыханному телу и вытащить его наверх, но вдруг раскопанная земля вокруг зашевелилась сама собой, и поглотила разверстую яму. Миг – и вокруг уже было ровное место, и даже намека нельзя было найти на то, что здесь только что засыпали землю: зеленые травы и головки цветов качались на месте могилы Марии. Иван обернулся, и посмотрел на поляну. Сундук с сокровищами уже был открыт, и господин в черном сюртуке, которого присутствующие именовали Князем Тьмы, черпал из этого сундука пригоршнями золото и камня, и швырял их в толпу, повелительно командуя: «Не суетитесь, всем хватит, безбедно проживете до следующего года, а там опять все повторится сначала!» Голые ведьмы и упыри ползали по земле, и собирали разбросанные по поляне золото и драго-

ценности. Позади трона неподвижно стояли Лепорелло, Кармадон, Лючия и малышка Гаспар, золотые волосы которого в свете костра искрились так же, как разбросанные по поляне золотые монеты. Неожиданно где-то недалеко трижды прокричал петух. Тут же на поляне началась страшная кутерьма, слышались крики и визг, кто-то еще пытался собирать с земли золото, а кто-то уже улетал на метле, или бежал к оставленным по берегам прудов лимузинам. Миг, и на поляне уже не было никого, и только издалека, словно из бездны, прокричал глухой и страшный голос: «До встречи, господа, через год на этом же самом месте!» Все закружилось перед глазами Ивана, и он потерял сознание, упав на траву возле костра.

Глава четвертая. Чертовщина в милиции

Если бы следователю Волоокому еще день назад рассказали о той чертовщине, в которую он вляпается завтра, он бы от души посмеялся и назвал рассказчика форменным психом, которому срочно надо лечиться. Тем не менее сегодня с утра старший лейтенант милиции Волоокий, работающий следователем на Петровке, столкнулся с делом, которое в итоге перевернуло всю его жизнь. Наряд милиции, обходивший рано утром Головинские пруды, обнаружил у одного из них окровавленного молодого человека, которого вначале посчитали мертвым, но который, внезапно очнувшись, стал умолять арестовать его, поскольку он якобы убил девушку. Безобразия, связанные с Головинскими прудами, особенно во время праздника Ивана Купалы, давно были известны в милиции. Сюда и в обычные летние дни, спасаясь от нестерпимой жары, устремлялись тысячи москвичей, которые распивали спиртные напитки, нередко безобразничали, а некоторые даже тонули на мелководье. Выгнать людей с прудов было нельзя, и поэтому все это считалось в порядке вещей, доставляя милиции привычные хлопоты. В последние же годы здесь все чаще и чаще отмечали ночь на Ивана Купала, жгли костры и соломенные чучела, прыгали через огонь, и веселились до зари, оставляя к следующему утру горы пустых бутылок, дымящиеся кострища, кучи мусора и множество пьяных, спящих на траве безмятежным сном, которых милиция безжалостно штрафовала. Но чтобы здесь произошло убийство – такого на Головинских прудах не бывало давно!

Молодой человек, совершивший убийство, оказался нигде не работающим Иваном Барковым, по профессии поэтом, живущим здесь же у прудов в соседней высотке. Лицо и руки Баркова были вымазаны кровью, и его, как уже говорилось, самого поначалу приняли за покойника. Но он оказался совершенно здоров, хотя и сильно возбужден, и стал уверять милицию, что вчера вечером здесь у пруда убил ножом родную сестру. Баркова, разумеется, немедленно доставили в отделение, а сами по компьютеру справились о его родственниках. Выяснилось, что никакой сестры у Баркова нет, и никогда не было, что он круглая сирота, и что единственная его тетка, от которой он и унаследовал однокомнатную квартиру, скончалась три года назад. Выходила явная неувязочка, поскольку не было ни трупа, ни орудия убийства, то есть ножа, ни самой мифической сестры, несомненно придуманной перевозбужденным поэтом. Были, однако, лицо и руки Баркова, выпачканные в крови, которая, как показал анализ, оказалась человеческой. Было, также, его сначала устное, а потом и письменное заявление о совершенном убийстве. Дело явно запутывалось, и распутать его поручили следователю Григорию Волоокому.

Волоокий числился в МУРе эдаким докой, распутывающим самые запутанные дела, чуть ли не выскочкой, применяющим нетрадиционные методы ведения следствия. Там, где большинство следователей действовали напористо, порой даже грубо, рассчитывая на быстрое достижение результата, частенько запутывая, и даже пугая подозреваемых вопросами, вроде такого: «Где вы были в среду восьмого апреля тысяча девятьсот восемьдесят второго года?» – там, где другие следователи пугали подозреваемых, Волоокий, наоборот, стремился к установлению психологического контакта. Он, кстати, заранее вызвал психолога, который, обследовав Ивана Баркова, сделал однозначное заключение: подозреваемый не является сумасшедшим, хотя, несомненно, пережил острый эмоциональный стресс, и до настоящего времени окончательно не успокоился. Мнение психолога, приехавшего, кстати, специально из института Сербского, с которым у МУРа существовало давнее соглашение, было таким: Барков вполне может содержаться в следственном изоляторе вместе с другими подозреваемыми, хотя, разумеется, и нуждается в некоторых успокоительных средствах. Успокоительные средства, кстати, были тут же выписаны психологом, и он уехал назад в свой институт Сербского. То, что Баркова можно оставить в изоляторе временного содержания вместе с другими подозреваемыми, совершив-

шими аналогичные преступления, то есть убийства, разбои и кражи, было вполне логично. Ведь и они, в некотором смысле, пережили сильнейший эмоциональный шок, можно даже сказать стресс, и никто их сумасшедшими не считал. Дело, однако, заключалось в том, что во всех этих случаях убийств, разбоев и краж налицо были улики, которые в деле Баркова отсутствовали совершенно. Не было ни пресловутого ножа, ни пресловутого трупа, ни даже пресловутой сестры, якобы убитой подозреваемым. Не зная, с чего же начать следствие, Волоокий распорядился доставить к себе для допроса поэта. Предварительные показания у него, как уже говорилось, были получены, но это сделали другие следователи, а Волоокому хотелось еще раз начать все сначала, чтобы не пропустить какой-нибудь существенной детали. Через некоторое время поэт был доставлен к нему в кабинет и усажен по другую сторону стола.

– Вы – Барков Иван Тимофеевич? – спросил у подозреваемого Волоокий, с интересом разглядывая поэта, руки и лицо которого, несмотря на то, что их, очевидно, пытались отмыть, до сих пор были выпачканы в крови.

– Да, – ответил подозреваемый, и дико посмотрел на следователя, нервно потирая худые пальцы.

– Вы проживаете по третьему Лихачевскому переулку, дом номер три, корпус четыре, квартира четыреста восемнадцать?

– Да, – еще раз, все так же нервно потирая выпачканные в крови пальцы, ответил Барков, и еще более дико взглянул на следователя. – Все правильно, именно в квартире четыреста восемнадцать, и, между прочим, на четырнадцатом этаже. Лифт у нас, кстати, работает отворачивательно, – добавил он почему-то, и странно подмигнул Волоокому.

– Лифт к вашему делу не имеет абсолютно никакого отношения, – ответил следователь, стараясь понять, что хотел показать подозреваемый этим подмигиванием, пытается ли он, как делают некоторые, начать имитировать сумасшествие, или это просто следствие стресса, в котором он все еще пребывает?

– Нет, не скажите, – нервно ответил Барков, – лифт для живущих на четырнадцатом этаже имеет очень большое значение. Особенно для разных больных старушек, которые сами наверх подняться не могут, и некоторых из них приходится иногда даже заносить на руках.

– При чем тут больные старушки? – резонно спросил Волоокий, – я с вами не о старушках сейчас беседую!

– Вот именно! – радостно вскричал поэт, и даже подался всем телом вперед, словно желая обнять Волоокова, но под его повелительным взглядом неохотно отстранился назад. – Вот именно, не о больных старушках, поскольку больные старушки тут решительно ни при чем!

– А кто при чем? – напрямую, нарушая необходимую последовательность вопросов, спросил Волоокий, устремив на Баркова пристальный, и, как многие считали в управлении, гипнотически действующий взгляд.

– Кто при чем? – нервно ответил Барков. – Конечно же он, господин в черном костюме!

– При чем тут господин в черном костюме? – резонно заметил следователь. – Вы мне, пожалуйста, отвечайте по существу.

– Так я же и отвечаю по существу! – радостно, и еще более нервно засуетился поэт. – Всею виной господин в черном костюме и эти его подручные: Гаспар, Кармадон, Лючия и Лепорелло. Лючия, между прочим, красивая девушка, а Гаспар совсем еще мальчик, не более пяти лет, но совершенно свободно изъясняется на древнегреческом и читает в подлиннике Гомера.

– Они что, и детей вовлекли в свою банду? – резонно спросил Волоокий, чувствуя, что начинает терять нить разговора, и надо опять переходить к вопросам по существу, иначе можно окончательно потерять контакт с подозреваемым.

– Детей? – Да. Хотя, впрочем, нет. Не думаю, что Гаспар может совершить преступление. Однако из лука он стреляет великолепно, и в крошечной тьме, прямо у меня на глазах, пронзил стрелой ворона, причем так метко, что тот упал прямо под ноги.

– Еще мальчик, но метко стреляет из лука? Знает древнегреческий и читает в подлиннике Гомера? – повторил Волоокий, поняв, что еще немного, и он уже ничего не будет сообщать. – Вы женаты? Вы имеете сестру по имени Мария? У вас была тетя? Вы убивали кого-нибудь на прудах этой ночью?

– Ну наконец-то! – вскричал поэт. – Наконец-то вы задали тот вопрос, который ожидал я от вас так долго. А то, понимаешь ли, все ходили вокруг да около, и спрашивали не о том, что требовалось. Убивал, конечно же, убивал, но не по своей воле, а по приказу этого самого господина, который в белых манжетах, и который у них самый главный. Он, между прочим, и шабаш на прудах устроил.

– Глава шайки в белых манжетах, одет в черный костюм, и именно он приказал вам убить человека?

– Ну наконец-то, – еще раз удовлетворенно воскликнул поэт, – ну наконец-то вы начали меня понимать. Я же еще утром обо всем написал вашим коллегам: и про господина в манжетах, и про Лючию с Гаспаром, и про этих Лепорелло и Кармадона, который, между прочим, самый настоящий демон, и про убийство сестры, которое я совершил не по своей воле.

– У вас нет сестры, – устало сказал Волоокий. – Нет, и никогда не было.

– В том-то и дело, – загадочно и одновременно радостно встрепенулся Барков, – что это не имеет ни малейшего отношения к делу. Метафизическая сестра есть у всякого, и у вас тоже, между прочим, есть, хоть вы об этом и не догадываетесь. Существуют, знаете ли, высшие сферы, в которых все мы имеем сестер и братьев.

– Мы не в высших сферах находимся, – резонно сказал Волоокий. – Ответьте прямо: вы убивали на прудах кого-нибудь прошлым вечером?

– Убивал, – охотно ответил Барков. – Убивал собственную сестру, вот этими самыми руками и убивал, – он показал Волоокому выпачканные в крови руки. – Только, я думаю, в метафизическом смысле я ее совсем не убил, потому что действовал не по своей воле, а нож в руку мне вложила Лючия.

– Нож в руку вам вложила Лючия? – встрепенулся следователь, радуясь хоть такой малой улике, выуженной в процессе этого странного следствия. – Но куда потом делась эта Лючия? И куда делось тело, если, разумеется, вы вообще кого-нибудь убивали?

– Убивал, убивал! – радостно закричал Барков. – А тело упало в ящик с сокровищами, который потом господин в костюме раздал всем приглашенным. Лючия же, думаю, вместе с ним, а также с Гаспаром, Лепорелло и Кармадоном опять переселились в нездешний мир, где и будут обитать до следующего шабаша.

– Эх, молодой человек, – укоризненно сказал ему Волоокий, – не знаете вы бандитскую психологию! Никуда вовсе они не переселились, а затаились где-то поблизости, и готовятся в тишине к новому преступлению! А что это вы, кстати, говорили о приглашенных, которым главарь шайки якобы раздал украденные сокровища? И много их было по вашим оценкам?

– Не меньше тысячи, – ответил Барков, – и все абсолютно голые, как женщины, так и мужчины, за исключением некоторых, которые в туфлях и галстуках.

– Групповуха, значит, – загадочно сказал Волоокий, и записал что-то в бумагах, лежащих у него на столе. – Насчет тысячи, конечно, это вы сильно преувеличиваете, это вам он страха так показалось. В общем-то, картина постепенно становится ясной: сначала убили, и похитили ценности, а потом поделили и устроили оргию. Типичное, между прочим, поведение для такого рода дел. Ничего загадочного я тут не нахожу. А вас, между прочим, специально подставили, и руки со щеками, между прочим, специально выпачкали в крови. Вполне возможно, что вы

вообще никого не убивали вчера. Тем более, что и сестры у вас нет никакой. Поторопились вы, молодой человек, себя преждевременно оклеветать, не надо было вам подписывать протокол!

– Да как же не убивал, когда убивал! – с досадой воскликнул Барков. – Вот этими самыми руками и убивал! – он вытянул вперед выпачканные в крови руки. – А нож, как я вам уже говорил, мне ведьма Лючия в руки вложила.

– А где же он, этот ваш нож? – рявкнул ему в ответ Волоокий. – Где нож, и где труп этой вашей сестры, которую вы назвали Марией? Нет у вас, молодой человек, ни ножа, ни сестры, но не волнуйтесь, мы это дело непременно распутаем. И шайку всю непременно поймаем. Ценности похищенные они, разумеется, уже частично истратили, но ничего, мы и ценности тоже разыщем.

– Ничего вы не разыщете, господин Волоокий, ни ценностей, ни Марии, – каким-то чужим и ехидным голосом ответил ему Барков. – И ценностей тоже никогда не увидите, поскольку они не ваши, и вашими никогда не будут. А если вы будете совать свой нос, куда не следует, вам этот нос элементарно оттяпают. Закройте лучше дело за недостатком улики, а не то быстро обо всем пожалеете!

– А вот это, молодой человек, вы делаете напрасно, – ответил Волоокий испуганному Баркову, который прижимал к губам ладони, опасаясь, что сейчас опять помимо воли скажет что-нибудь лишнее. – А вот это вы совершенно напрасно, ибо на меня такие угрозы не действуют! Будете своей бабушке угрожать, а милиции угрожать не советую. Милиция вас сама на место поставить может. Подпишите, пожалуйста, протокол, и подумайте на досуге, где вы спрятали нож и тело жертвы, – если, конечно же, вы вообще кого-нибудь убивали!

Он протянул Баркову исписанные листы, и тот, не читая, испуганный тем монологом, который, помимо воли, вырвался у него изо рта, поставил внизу размашистый росчерк. После этого Волоокий нажал кнопку, и вошедший дежурный увел поэта куда следует, и через какое-то время тот опять оказался в Бутырке. Сам же старший лейтенант откинулся на спинку стула, и постарался выудить из происшедшей беседы хоть что-нибудь положительное. Но ничего положительного у него почему-то не получалось. Более того – какой-то подленький страх перед всей этой загадочной историей начал заползать в его душу. У него вдруг противно задрожали колени, а совсем рядом, прямо в ухо, опять кто-то сказал ехидным и противным голосом: «Оставь, Волоокий, это дело, а то обожжешься так, как никогда еще не обжигался. Уйди лучше в отпуск, и отпусти поэта за недостатком улики. По-хорошему просим тебя, как человека, а не слушаешься, – по-плохому будем просить!» Волоокому стало совсем дурно, он наспех закрыл в сейф протокол допроса, и, выйдя за дверь, прошел, держась за стену, до конца коридора, а потом, спустившись по лестнице на первый этаж, добрался наконец-то до выхода. Свежий воздух немного освежил его, но противный страх окончательно не прошел. Купив в магазине бутылку водки, и попросив у продавщицы пластмассовый стаканчик, Волоокий уселся на скамейку в ближайшем сквере, и, жадно глотая безвкусную жидкость, выпил до дна всю бутылку.

Глава пятая. Странная фирма

С раннего утра обитатели дома номер три, корпус четыре, по третьему Лихачевскому переулку, наблюдали странную картину: жильцы четырнадцатого этажа в полном составе грузились в подъезжающие одна за одной грузовые машины, и отъезжали в неизвестном направлении. Лифт между первым и четырнадцатым этажом снова безостановочно взад и вперед, перевозя кровати, диваны и стулья, срочно вызванные бригады носильщиков перетаскивали по лестнице шкафы и рояли, а шалопаи-подростки, те самые, что вчера еще до поздней ночи тусовались в подъезде, и оставляли на стенах его и в лифте неприличные надписи, радостно носились вверх и вниз, переноса на руках цветы в горшках и горки посуды. Из некоторых окон даже спускали по веревкам обмотанные со всех сторон стопки книг и тюки с одеждой, во всех восьми освобождающихся квартирах наблюдался небывалый энтузиазм, слышались даже песни, прославляющие труд и работу на благо отчизны, и можно было видеть, как некоторые заклятые враги, годами воевавшие из-за украденного дверного коврика, или пропавшей на бельевой веревке прищепки, братались, и, обняв друг друга, со слезами на глазах клялись в вечной любви. К обеду все восемь квартир четырнадцатого этажа были очищены полностью, и последняя грузовая машина, набитая людьми и вещами, убыла в неизвестном направлении под звуки тревожной песни: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море!» Прибывшая затем бригада рабочих в удивительно короткие сроки, буквально до вечера, сделала на этаже евроремонт, причем, по слухам, во всех восьми квартирах сломали перегородки, соединив их между собой, и превратив в некий богато обставленный офис, для чего уже другая бригада носильщиков спешно занесла снизу вверх великолепную мебель и целый лес вечнозеленых растений. Конкретно о причинах всех этих событий никто толком ничего не знал, но упорно, с самого утра, циркулировал слух, что на четырнадцатом этаже будет теперь офис одной известной французской фирмы, купившей под него весь этаж, и заплатившей за это огромные деньги. Что фирма эта торгует оптом не то косметикой, не то женскими зонтиками; что все съехавшие жильцы отправлены на грузовых машинах в Балашиху, где каждому из них, в том числе и сидящему в Бутырках Баркову, куплен собственный особняк и выдана на руки солидная сумма денег. Слухов, повторяю, было много, и они взбудоражили не только жителей упомянутой высотки, но и обитателей окрестных домов.

Вечером того же дня на берегу одного из прудов можно было видеть живописную компанию, неторопливо прогуливающуюся по асфальтовым дорожкам. Центром ее являлся одетый в безукоризненный черный костюм господин высокого роста с необыкновенно властным, а некоторые бы даже сказали – надменным лицом, с интересом оглядывающий живописные виды, тихую воду, мостки лодочной станции, зеленые купы деревьев и фигуры расположившихся у берега отдыхающих. Сопровождали его двое мужчин, один постарше, другой помоложе и помягче, также одетые в вечерние костюмы, не такие, правда, темные и дорогие, как в первом случае. Была здесь также молодая женщина, необыкновенно красивая, в роскошном вечернем платье, и златокудрый мальчик лет примерно пяти, постоянно шаливший, заливающийся беспричинным смехом, и швыряющий в воду камни и мелкие веточки. Общий вид этих нарядных людей выделялся, конечно, из общей картины отдыхающих у прудов москвичей, одетых по случаю жары кто во что горазд, а иногда и вовсе не одетых, но, по большому счету, в одежде их и вечерней прогулке не было ничего экстраординарного. Очевидно, это были какие-то новые русские, расслабляющиеся у воды после дневных трудов. Москва уже успела всякого навидаться, и вид хорошо одетой компании здесь никого не смущал. Остановившись посередине ажурного мостика, перекинутого между двумя прудами, старший в компании, облокотившись руками об ограждение, сказал, задумчиво глядя в воду:

– Какая умиротворенность, Кармадон, какое упоение жизнью и тишиной, как будто и не было вчерашнего шабаша и вчерашней пролитой крови, как будто не бросали мы пригоршнями золота этим мерзавцам, которых вынуждены считать друзьями, и которым, в общем-то, наплевать и на кровь, и на свои погибшие души. Как быстро люди, Кармадон, забывают о преступлениях, как быстро трава забвения покрывает давешние могилы, и как быстро надежда нового дня перечеркивает тревогу прошлого.

– Все правильно, милорд, – отозвался тот, которого назвали Кармадоном, – зло, к сожалению, переплетается во вселенной с добром, и от этого никуда не уйти; ваша сила постоянно вытесняется силой иной, а что касается слишком быстро заросших могил, то это дело вполне поправимое; одно только ваше слово, милорд, и здесь будет столько могил, что в округе не хватит безутешных вдов, готовых оплакать погребенных в них мертвецов!

– Всеу свое время, Кармадон, всеу свое время, – отозвался тот, которого назвали милордом, – мы прибыли сюда на праздник Иванова Дня, а также на раздачу щедрот тем местным нуждающимся индивидуумам, которые верят в нас больше, чем в Того, кто создал небо и землю. Кроме этого, как ты знаешь, у нас есть здесь еще одно неотложное дело. Придет пора, и ты проявишь свое искусство во всем его блеске и великолепии; даже демоны смерти должны время от времени отдыхать; да и по Москве мы еще не гуляли; сколько, кстати, мы здесь уже не были?

– Лет десять, милорд, – подсказала, низко приседая, Лючия. – Вроде бы совсем немного, но такое ощущение, что наступила другая эпоха; как будто прошло лет пятьсот, а то и тысяча.

– Нет, Лючия, ты не права, – ответил ей старший в компании, – это все внешние перемены, а сущность человека как была, так и осталась прежней, такой, какой вылепилась она при Сотворении мира; что десять, что пятьсот, что пять тысяч лет, – человек, дорогая моя, не меняется; все те же пороки присущи ему на протяжении всей истории человечества, все те же страсти кипят в его беспокойном сердце, все те же следы алчности и разврата раскаленным клеймом, незримо, а иногда даже вполне явственно, врезаются в его божественное лицо. Меняется, Лючия, только мода и стиль архитектурных построек, меняется лишь внешний вид городов и убранство жилищ, меняются декорации и костюмы актеров, а внутренняя сущность людей, сущность вечной человеческой комедии, не меняется никогда; и в этом залог нашей вечной власти над слабым и немощным человеком, который ради сиюминутной выгоды, ради горсти обогранных кровью червонцев, готов продать нам свою бессмертную душу!

– Ах, маэстро, как же вы бесконечно правы! – блеснула ослепительной улыбкой Лючия. – Взять хотя бы наше вчерашнее приключение на празднике Иванова Дня, – все произошло именно так, как вы только что говорили: эти голые ведьмы и упыри визжали от радости, ползая по земле, и подбирая брошенные вами монеты; а ведь они оплачены кровью невинной девушки, да и несчастный поэт, который ее убил, тоже ничего хорошего в жизни уже не увидит!

– Как знать, Лючия, как знать, – загадочно ответил господин в черном костюме. – Иногда в смерти заключено больше жизни, чем об этом принято думать, и величайшие трагедии иногда оборачиваются необыкновенным триумфом. Вспомните, хотя бы шекспировского Ромео с Джульеттой: бессмертная трагедия подарила им практически бесконечную жизнь, если, конечно, допустить, что два эти персонажа вообще когда-либо существовали в действительности; умерев в пространстве трагедии, они остались вечно живыми для множества поколений зрителей; это ли не торжество жизни над смертью?!

– Вы хотите сказать, милорд, – вежливо спросил молчавший до этого Лепорелло, – что кто-то напишет аналогичную пьесу про двух главных действующих лиц вчерашнего Иванова Дня: Ивана и Марью? И тем самым, иносказательно, они обретут бессмертие?

– Нет, Лепорелло, все будет совершенно иначе; впрочем, не будем торопить события, не будем прыгать поперед батьки в пекло, и таскать из огня каштаны раньше положенного времени; все со временем прояснится и станет на свои места; да, кстати, Лючия, а что это ты

только что говорила про голых вурдалаков и упырей, готовых за горсть брошенных им червонцев ползать по траве и вообще совершить любую гнусность? Уверяю тебя, ты не права, ибо они все уважаемые в обществе люди, а некоторые вообще достигли небывалых высот в разных областях человеческой деятельности; кроме того, не стоит так презрительно отзываться о наших клиентах; в конце-концов, ведь все они заключили договор с дьяволом, и находятся отныне под его надежной защитой.

– О, месье, договор с вами – это лучшая защита для любого из смертных! – грациозно согнулась в поклоне Лючия, тряхнув гривой рыжих волос и обнажив в полутьме два ряда хищных белых зубов. – Поистине, договор с вами – это наилучшее, из всех возможных, вложение капитала!

– Но-но, Лючия, потише, потише, не называй вслух того, кому ты так преданно служишь, – предостерегающе ответил тот, которого уже называли и милордом, и месье, а теперь вот назвали дьяволом. – Мы ведь находимся здесь инкогнито, и не надо поэтому создавать лишнего шума. Кроме того, миссия наша в Москве еще отнюдь не закончилась, все еще только в самом начале, и давайте придерживаться той роли, которую мы до сих пор так успешно играли.

– Как скажете, милорд, вам, безусловно, виднее, – опять блеснула зубами, низко приседая, Лючия.

– Да, ты права, мне, безусловно, виднее, – ответил господин в черном костюме, и, распрямив свое огромное тело, внимательно огляделся вокруг.

Ночь уже спускалась над городом. В лодочной станции, расположенной рядом в небольшом домике, уже не выдавали лодок, а у длинных мостков работники встречали последние легкие суденышки; напротив ажурного мостика, на котором стояла компания, белела старинная беседка, с другой стороны высились купы огромных дубов; по берегам прудов еще ходили группами рыбаки, на ровной глади плавали кувшинки и распустившиеся лилии, стая уток с шумом поднялась с воды, и, отчаянно махая крыльями, улетела куда-то вверх; повеяло свежестью, воздух наполнился запахом трав; стоящие по берегам высотки светились желтым мерцающим светом.

– Удивительное место, – послышался в темноте низкий глухой голом. – Необыкновенно напоминает Венецию.

– Да, милорд, – отозвалась Лючия. – Таких прелестных уголков, по слухам, здесь уже почти не осталось.

Кажется, говорилось на мосту о чем-то еще, но что именно, история это умалчивает.

Глава шестая. Не стоит поджигать лифты

Один из последующих дней, кстати, ознаменовался несколькими, весьма странными, событиями. Заместитель районного архитектора Платон Генрихович Горобец пришел на работу в отличнейшем расположении духа. А дело заключалось в том, что накануне в его кабинет явился весьма симпатичный молодой человек, отрекомендовавшийся представителем некоей иностранной фирмы, владеющей помещением рядом с Головинскими прудами. Собственно говоря, фирма была владельцем целого этажа в одной из высоток, и хотела провести в нем реконструкцию. При более детальном разговоре выяснилось, что фирма вознамерилась поломать все внутренние перегородки, и превратить этаж в один большой офис, что законом было строжайшим образом запрещено, поскольку от этого высотка могла элементарно рухнуть. Платон Генрихович, имеющий, кстати, специальное инженерное образование, и прекрасно знающий, как могут падать высотки, а также как они могут гореть, качаться при сильном ветре, подмываться грунтовыми водами, и прочее, – Платон Генрихович тотчас же заявил посетителю, что это дохлый номер, и что такая реконструкция невозможна. Но посетитель оказался весьма настырным, он привел Платону Генриховичу множество примеров, когда высотные сооружения, по всем расчетам вот-вот готовые повалиться на бок, тем не менее, не делают этого, а спокойно стоят на месте, вопреки логике и здравому смыслу. В качестве примера молодой человек, тоже, кстати, специально образованный, привел Пизанскую башню, которая сколько веков уже падает на бок, а все же стоит, и изумляет всех своей долговечностью.

– Между прочим, – добавил он, – еще старик Галилей восхищался его прочностью и долголетием, и проводил на ней свои знаменитые опыты!

– Нам Галилей не указ, – возразил ему Платон Генрихович, – нам строительные инструкции указ, а они-то как раз и не допускают такой реконструкции!

– Но позвольте, – воскликнул его собеседник, – а как же быть с Останкинской телебашней, которая, как известно, вообще не имеет фундамента, и стоит себе год за годом, поражая как москвичей, так и вообще всех приезжих?

– Вы бы, дорогой, еще Вавилонскую башню мне в пример привели! – добродушно сказал ему Платон Генрихович. – Мне башни, извините, вообще не указ, поскольку в башнях никто не живет, и будут ли они стоять, или, наоборот, упадут, это никого не волнует.

– А вот и не так, дорогой Платон Генрихович, – вежливо взял его за лацкан пиджака молодой собеседник, представившийся, кстати, как Алексей Юрьевич Березкин, младший партнер своего иностранного компаньона, – а вот и не так! Ибо пример Вавилонской башни, которую лично я видел неоднократно, и в гораздо лучшие времена, чем сейчас, как раз и доказывает, что башни, а равно и другие архитектурные сооружения не падают до тех пор, пока их к этому кто-нибудь не принудит. Все, дорогой Платон Генрихович, прочно стоит на своем месте, будь то Останкинская, Пизанская, или даже Вавилонская башня. Последняя, кстати, имела в высоту шестьсот шестьдесят шесть метров, и простояла бы до сих пор, если бы ее специально не опрокинули. Во всем, Платон Генрихович, следует искать чей-то умысел и чью-то заинтересованность, в том числе и в таком пустяковом вопросе, как снос перегородок внутри нашей высотки. Впрочем, чтобы не ходить вокруг да около, вот вам все расчеты, проделанные мной и моим партнером, и, смею вас заверить, расчеты эти весьма убедительны! – с этими словами он положил перед заместителем районного архитектора объемистый конверт, в котором были явно не документы.

– Что это такое? – сразу же насторожился его собеседник.

– Расчеты, Платон Генрихович, расчеты, – вежливо улыбаясь, ответил молодой визитер. – Вы их пока внимательно изучите, а я выйду за дверь, и прогуляюсь по вашему коридору!

Лепорелло, – а это, как уже, очевидно, догадался проницательный читатель, был именно он, тихонечко вышел за дверь, и действительно начал прогуливаться по коридору, а Платон Генрихович после некоторого колебания заглянул внутрь пакета. В нем, как и предполагал заместитель районного архитектора, оказались деньги, и деньги весьма немалые, что Платона Генриховича смутило окончательно. Аккуратно упакованные банковским способом, любовно перетянутые тугими бумажками со специальными штемпелями, в пакете находились пятьдесят тысяч американских долларов, и это был аргумент, против которого Платон Генрихович оказался бессильным! После недолгой и безуспешной борьбы с самим собой взятка, – а это, разумеется, была самая настоящая взятка, – была Платоном Генриховичем принята, и сначала засунута в письменный стол, потом положена в сейф, а после вообще в одно потайное место, специально устроенное для подобных взяток в полу. В оправдание свое всякий раз, беря подношение, Платон Генрихович говорил, что без взяток в архитектуре, тем более архитектуре московской, обойтись невозможно, и что возвести в Москве даже простой сарай – это вам не Вавилонскую башню построить! И как же он был прав, друзья, как же он был прав!

Вернувшийся через некоторое время из коридора молодой компаньон солидного иностранного представителя тут же получил соответствующее разрешение на снос внутренних перегородок и вообще на любую, какая понадобится, перепланировку, и, положив документы в папочку, сказал на прощание, пожимая руку чиновнику:

– Благодарю вас, дорогой Платон Генрихович, от всей души благодарю, вы действительно тысячу раз правы: возвести в Москве даже простой сарай, или, извините, сколотить обыкновенную голубятню, это вам не Вавилонскую башню построить!

После взаимных расшаркиваний, пожиманий рук, улыбок, и обещаний навестить как-нибудь иностранную фирму, а также ответных обещаний осчастливить архитектуру новым визитом, молодой человек удалился, а Платон Генрихович до следующего утра не занимался уже ничем, а только лишь мечтал о приятном. Мечты его были легки и воздушны, и заключались в основном в работе, обычно выполняемой калькулятором, то есть в сложных подсчетах, а также в суммировании разных цифр, которые Платон Генрихович производил в уме с феноменальной скоростью. Цифры мелькали у него в голове одна за одной, и складывались в такие приятные суммы, так много нулей было в этих цифрах, что заместителю районного архитектора мерещились уже и новый особняк на Рублевском шоссе, и очередная ежегодная поездка с женой на Канарские острова, и даже новенький, ослепительно-красного цвета автомобиль «Феррари», который, как он знал, покупать ни в коем случае нельзя, ибо каждый раз, когда кто-нибудь из его коллег позволял себе нечто подобное, начальство, знавшее в округе, да и вообще в Москве все и вся, назидательно поднимало вверх палец, и говорило: «Главное, господа, не светиться! Что хотите, делайте, хоть траву ешьте, хоть гольшом на службу ходите, но чтобы ни о каких „Феррари“ я от вас больше не слышал!» Промечтав так весь день, и потом всю ночь, когда, лежа без сна, он на вопрос жены: «О чем ты мечтаешь, Платоша?», только приятно мычал, и не говорил ничего, из чего супруга сделала правильный вывод, что ему опять дали большую взятку, и что надо теперь в ювелирном присмотреть себе колечко с бриллиантом, – промечтав так весь день и всю ночь, и утром опять явившись на службу, Платон Генрихович был неожиданно арестован, и даже сначала не понял, что же произошло. Причем молодые люди в штатском, которые его арестовывали, и совершенно бесцеремонным образом поставили к стенке, заставив поднять кверху руки, моментально нашли тайник, искусно спрятанный под паркетными плитками пола. На вопрос, чьи это деньги, Платон Генрихович только лишь улыбался блаженно, да повторял, как попугай, одну за одной две фразы: «Возвести курятник в Москве, это вам не Вавилонскую башню построить!», и «Что хотите, господа, делайте, хоть „Мерседесы“ себе покупайте, но чтобы о „Феррари“ я от вас больше не слышал!» На что арестовавшие отреагировали в том смысле, что заместитель архитектора получал деньги еще за какие-то здания, условно называемые курятником и Вавилонской башней, а также приобрел

себе дорогие машины. И хоть это и было недалеко от истины, но большего добиться от Платона Генриховича, как ни пытались, не удалось. Он упорно продолжал мечтать, а также твердить эти две фразы, и его поместили в изолятор временного содержания, правда, не в Бутырский, а другой, мало чем от него отличающийся, чтобы он на досуге подумал, и вспомнил, что к чему. Удивительная, согласитесь, история, удивительная, и весьма поучительная!

Вторая не менее удивительная история произошла через несколько дней после ареста Платона Генриховича, но уже не утром, а ближе к обеду, у подъезда известной высотки. Внизу, на лавочке, стреляя глазами во всех входящих и выходящих жильцов, сидели старушки, привычно сплетничая обо всем, о чем только можно. Одна из них, а именно Прокофья Лукерьевна Шамгина, жила на тринадцатом этаже, то есть как раз под тем этажом, где к этому времени был сделан евроремонт, и где разместилась фирма, торгующая не то косметикой, не то иностранными зонтиками. Деятельность этой фирмы была в последнее время темой номер один у старушек, бессменно сидящих на лавочке у подъезда, и Прокофья Лукерьевна, как основной эксперт по этой фирме, пользовалась среди них непререкаемым авторитетом. Особенно занимавший старушек вопрос, а именно: кто является мужем красавицы-иностранки, и, соответственно, отцом прелестного пятилетнего малыша, – был решен Прокофьей Лукерьевной однозначно. Красавица-иностранка была женой самого старшего из трех окружавших ее мужчин, а отцом ребенка был самый младший.

– Он, подруги мои, – говорила она, шепелявя, и трясая головой, поскольку вообще имела привычку делать и то, и другое, – только лишь он, самый смазливый из трех, и является настоящим отцом. А случилось все в то самое время, когда старший отлучился в командировку, и приглядывать за женой больше не мог. Известное дело, молодое, вот красавица и нагуляла живот, а когда муж возвратился, деваться было уж некуда. Побил он ее, конечно, сердечную, потаскал за волосы, как у них, у иностранцев, положено, да и смирился со временем. А соблазнителя хотел сначала убить, но не посмел, потому что должен ему большие деньги.

– Батюшки-святые, – воскликнула ее соседка справа, кривая на один глаз старушка по имени Алевтина Гавриловна, – какие ты страсти, подруга, рассказываешь! И что, большие деньги задолжал он этому соблазнителю!

– Миллион баксов, – не моргнув глазом, ответила Прокофья Лукерьевна. – Ровным счетом миллион баксов, а иначе бы он его точно убил.

– И не миллион вовсе, подруга, и не миллион вовсе, – вмешалась ее соседка слева, которую все жильцы называли обидным прозвищем Чемодан, из-за ее привычки красть у всех бельевые прищепки и дверные коврики, и прятать их у себя, как в чемодане. – И не миллион было там баксов, а два миллиона, это мне известно доподлинно!

– Да как же два, если один! – огрызнулась на нее Прокофья Лукерьевна. – Соображаешь ты, Чемодан, о чем говоришь? Где бы этому прощельге с усиками достать два миллиона? Он и тот миллион-то не сам заработал, а украл у прежней любовницы!

– Да и не у любовницы вовсе, а у любовника, – возразила ей запальчиво Чемоданша. – Он украл его у любовника, потому что жил с ними с обоими!

– Батюшки-святые, какие ужасы вы говорите, – опять всплеснула руками Алевтина Гавриловна, – вас послушать, так и спать после этого не сможешь совсем!

Именно в этот момент где-то рядом раздался голос, напугавший старушек до смерти, страшный еще и потому, что говорящего никто из них почему-то не видел:

– Если вы, старые ведьмы, еще будете сплетничать и перемывать косточки кому ни попадя, то попадете прямиком в преисподнюю, и вас там зажарят заживо! Заткнитесь, и молчите себе в тряпочку, словно воды в рот набравши!

И что бы вы думали: все трое действительно замолчали, и молчат до сих пор, необыкновенно удивляя этим соседей. Причем одна из старушек, а именно та, кого все называли за глаза, а иногда и прямо в лицо, Чемоданом, даже добровольно вернула соседям все украденные

у них коврики и прищепки! Ну скажите, разве это не странное происшествие, и разве оно не достойно того, чтобы золотыми буквами быть записанным в анналы истории как данного района, так и города в целом?! От себя добавим, что если бы точно так же поступали все старушки в Москве, да и вообще в целой стране, что часами перебивают косточки кому ни попадя, то это было похлеще, чем увеличение вдвое валового внутреннего продукта, и даже похлеще, чем полеты на Марс и Венеру. Потому что где они – Марс и Венера? А страшные ведьмы, оккупировавшие скамеечки – вот они, рядом, и нет на них управы здесь, на земле, а есть разве что там, за гранью возможного, и неизвестно еще, что хуже: эти божие одуванчики, или нечистая сила, которая, говорят, тоже где-то имеется?

Третья удивительная история произошла вечером в тот же день, когда заткнулись старушки, и тоже имела отношение к данной высотке. В подъезде ее, как обычно, тусовались подростки, которые с утра перепробовали уже все: и писать неприличные надписи на стенах и в лифте, и плевать, где только возможно, и даже поджигать этот самый лифт снаружи и изнутри, что чуть не кончилось для одного из них трагически, однако на этот раз и лифт, и поджигатель остались целы, хотя и весьма обгорели. История с поджогом была удивительной, и заключалась в том, что местный шалопай по фамилии Шелудяков, которого все, однако, называли попросту Шелудивым Псом, забрался каким-то образом на верхнюю крышку лифта с огромным ворохом старых газет, захватив еще для верности с собой старый матрац, и поджег все это с помощью зажигалки, вознамерясь тут же убраться прочь. Однако не тут-то было! Бумага и матрац загорелись, а лифт неожиданно тронулся вверх, и ехал безостановочно до четырнадцатого этажи, остановившись таким образом, что Шелудивому Псу невозможно было выбраться наружу. Вокруг него все полыхало, и несчастному оболтусу уже казалось, что он никогда не увидит своих товарищей, как неожиданно где-то рядом раздался глухой и страшный голос:

– А скажи-ка мне, Кармадон, что это так сильно дымит рядом с нами?

– А это, ваша милость, – ответил ему другой, не такой страшный, но тоже довольно свирепый голос, – а это горит заживо некий местный оболтус по прозвищу Шелудивый Пес, который сам же себя и поджег. Он, месье, не рассчитал, что лифт внезапно поедет вверх, и не успел с него соскочить, он хотел поджечь кого-то другого, а теперь сам по собственной злобе погибает в огне. И, смею заметить, очень справедливо погибает, потому что таких поджигателей следует наказывать их же методами. Он, ваша милость, когда подрастет, может запросто Александрийскую библиотеку поджечь!

– Александрийскую библиотеку, Кармадон, подожгли уже больше двух тысяч лет назад, и она благополучно сгорела, – возразил тому, кого назвали Кармадоном, приятный женский голос, который пылающему Шелудивому Псу показался слаще манны небесной. – Тебе бы только поджечь кого-нибудь, и чем больше в высоту будет костер, тем больше удовольствия ты получишь!

– Молчи, ведьма, – донеслось до задыхающегося в дыму Шелудивого Пса, – мало вас пожгли в Испании во времена инквизиции! Между прочим, если не жечь время от времени ведьм, и не пороть озверевших подростков, то никогда не построишь нормального общества!

– Надо же, – бог войны заговорил вдруг об идеалах! – язвительно ответила та, кого только что называли ведьмой. – Если так дальше пойдет, то ты из демона скоро переквалифицируешься в монашку!

– Стоп, стоп, хватит! – раздался вновь глухой в страшный голос. – Замолчите оба, тем более, что прав и тот, и другой. Однако, если мы сейчас не потушим огонь, нам придется идти вниз пешком. А это для моих старых костей довольно обременительное занятие. Лепорелло, организуй тушение этого лифта!

– Айн момент, месье! – ответил чей-то радостный голос, и в ту же секунду сверху на лифт и полыхающего Шелудивого Пса обрушился целый поток воды. Лифт немедленно двинулся вниз, и когда он достиг первого этажа, из него выпрыгнул оставшийся в живых поджи-

гатель, весь мокрый, и с ног до головы перепачканный сажей. Больше, по слухам, он никогда не занимался поджогами лифтов, а также не плевал в них, и не оставлял на стенах неприличные надписи. Равным образом он не делал этого и в других местах, и стал со временем таким занудливым и правильным молодым человеком, что его за это даже пару раз побили, и он был вынужден пробираться через подъезд украдкой, опасаясь своих же бывших товарищей.

Вот такие странные события, ничем, впрочем, не повлиявшие на жизнь района, произошли в нем в течение нескольких дней. Впрочем, любое событие достойно того, чтобы оно было записано на бумагу, и не следует пренебрегать даже малой каплей дождя, сползающей по влажному зеленому листу чахлой городской липы, и падающей затем на землю, ибо каждая капля есть прообраз безбрежного океана, и нельзя просто так, без последствий, дотронуться до цветка, не потревожив при этом звезду. Все имеет свои последствия, и, очевидно, имели оные и описанные нами события.

Глава седьмая. Поэт и террорист

В одной из камер Бутырского следственного изолятора, больше известного в народе, как Бутырка, сидел на нарах странный молодой человек. Это был заключенный под стражу по подозрению в совершенном им убийстве поэт Иван Барков. Его уже несколько дней не возили на допросы в здание МУРа, поскольку следователь Волоокий, которому поручено было дело об убийстве на Головинских прудах, внезапно заболел, а нового следователя Баркову почему-то не назначали. Поэт мучился, испытывая приступы внезапного раскаяния, порывался что-то объяснить охранникам изолятора, но ему неизменно отвечали, что обо всем надо говорить со следователем, и если тот неожиданно заболел, то ему или назначат нового, или придется ждать окончания болезни. Поэт был измучен до крайности, он впадал то в меланхолию, то в крайне возбужденное состояние, ему мерещилась убитая им Мария, которая, совершенно нагая, с букетом цветов в руках, шла навстречу ему по зеленой траве, и он сам, держащий в руках окровавленный нож, стоящий над разверзшейся ямой, в которой, поверх огромного, стянутого обручами сундука, лежало окровавленное тело убитой им девушки. После этого он рыдал, уткнувшись головой в тощую тюремную подушку, а остальные заключенные, которых в камере было набито сверх всякой меры, или жалели, или, наоборот, жестоко смеялись над ним. В довершении всего, ему стали сниться странные сны. Речь шла о далекой южной стране, о каменистой почве, о пальмах, растущих на песке, о вымазанных белой глиной маленьких домиках и пустынных, выжженных солнцем площадях городов, по которым, закутавшись от зноя в странные одежды, торопливо проходили незнакомые ему люди. Сны эти с неизменной настойчивостью повторялись из ночи в ночь, и так пугали его, что он кричал во сне, и просыпался в холодном поту, искренне подозревая, что начинает сходить с ума, и что это расплата за совершенное им убийство. Собственно говоря, в самих снах не было ничего страшного, можно даже сказать, что некоторые из них были умиротворяющие, и даже вносили покой в его душу; страшно было другое – их настойчивое постоянство, а также одна и та же тема, которая день ото дня становилась все вещественней и осязаемей. Он видел огромный восточный город, людей в тюрбанах, груженных тюками с товарами верблюдов, шумные рынки, на которых можно было купить все, что угодно, спешащих на богомолье паломников, дымящиеся жертвенники, на которых сжигались туши убитых животных, странные храмы и одетых в белые одежды священников, исполняющих внутри них непонятные ритуалы. Он видел архаичные, непривычные для восприятия современного человека, дворцы, и царственных особ, неторопливо прогуливающих в прохладе тенистых дворов; видел скачущих всадников, держащих наперевес длинные и тонкие древки пик, видел установленные вдоль булыжных дорог кресты с висящими на них телами мертвых, почерневших на солнце людей, глаза которых давно уже выклевали птицы. Постепенно он начал понимать смысл увиденных им картин, и даже речь этих странных, одетых в южные одежды людей, живущих в странной далекой стране. Он путешествовал по пустыне вместе с их караванами, сидя верхом на высоком двугорбом верблюде, торговал на шумных базарах, молился в тишине полутемных храмов. Он по-прежнему страшился этого своего нового состояния, но вместе с тем понимал то, что кто-то или что-то действует на благо ему, постепенно успокаивало его; он еще продолжал по привычке кричать во сне, но вместе с тем жил уже другой жизнью, совершенно не похожей на ту, которой жил он до этого.

Одним из тех, кто успокаивал его в первые дни пребывания в следственном изоляторе, был сосед по нарам, с которым они поочередно, из-за страшной скученности, царившей здесь, делили одну и ту же койку. Это был изможденный и худой человек лет примерно сорока, которого звали Александром Степановичем, и который, как всем было известно, сидел за терро-

ризм. Он внимательно выслушал историю Баркова, который, по обычаю многих заключенных, испытывал острую потребность покаяться и излить кому-нибудь свою душу.

– Ваша история, Иван, удивительна, несмотря на весь ее кровавый антураж, на всю ее кровавую завершенность, – сказал он Баркову, дружески положив ему на плечо руку. – А еще более удивительно то, что она некоторым образом переплетается с моей собственной историей. Удивительно вообще, как могли мы столкнуться здесь, внутри этой страшной тюрьмы, но, думаю, это именно та случайность, которая говорит о глубокой закономерности нашей встречи. Не удивляйтесь и не ужасайтесь тому, что я вам сейчас скажу, но наши с вами беды вызваны одинаковой причиной. Мы оба с вами пострадали от нечистой силы.

– От нечистой силы? – удивился Иван.

– Да, – именно от нечистой силы, а если говорить конкретно, то от дьявола, с которым обоих нас столкнула судьба.

– От дьявола, но возможно ли это?

– Да, друг мой, возможно, и, более того, такие встречи в жизни происходят гораздо чаще, чем об этом принято думать. Припомните-ка все, о чем вы мне здесь рассказывали; ваше странное болезненное состояние, вызванное невозможностью пристроить свою первую в жизни книгу, ваше отчаяние, ваши попытки утопить в болоте стихи, и это внезапное приземление, точнее, приведение группы в высшей степени странных людей, – все это не что иное, как явление в Москве дьявола, или, если желаете, сатаны.

– Сатаны? Но для чего? Зачем он явился в Москву?

– Это же так просто, друг мой: на праздник Иванова Дня, а, возможно, еще для чего-то. Все, что вы мне рассказывали о шабаше на прудах, все эти полуголые, а иногда и вообще голые мужчины и женщины, ползающие по земле, и собирающие руками брошенное им золото, – все это как раз и убеждает меня в этой мысли.

– Вы считаете, что все это не было галлюцинацией? Что на Головинских прудах действительно состоялся шабаш ведьм?

– Да, состоялся, и вы были в нем одним из главных действующих лиц. Впрочем, для того, чтобы достать из-под земли клад, и раздать его участвовавшим в шабаше людям, то есть тем, кто по разным причинам заключил сделку с дьяволом, – для всего этого нужна жертва. И жертва была найдена, а вас, случайно подвернувшегося под руку, назначили на роль слепого убийцы. Вы, безусловно, не понимали, что делали, но убийство действительно произошло, и невинная кровь, безусловно, открыла сундук с сокровищами, в которых так нуждались прибывшие на шабаш ведьмы и упыри.

– О Господи! – застонал, схватившись за голову, Иван, – но почему именно я? Почему именно меня назначили на роль этого слепого, покорно выполняющего чужую роль, убийцы?

– Вы просто подвернулись под руку, – ответил его собеседник. – Проще говоря, оказались в нужное время в нужном месте. Не будь вас, они нашли бы кого-то другого. Вы вот сейчас невольно упомянули имя Господа, и это очень правильно, поскольку спасти вас может только Он, и никто другой. Вам нужно, друг мой, молиться, и каяться как можно более искренне. Навряд-ли кто-нибудь сможет найти тело убитой девушки, а также нож, которым было совершено убийство, – все это давно лежит в земле, и давно уже поросло травой забвения. Да и вас, я думаю, тоже в конце-концов отсюда отпустят. Ссылайтесь на то, что все это выдумали, ссылайтесь на свою эмоциональность поэта, отрицайте и убийство, и нож, иначе вам не миновать сурового наказания. И хотя, как всякий нормальный человек, вы испытываете острое чувство вины, но знайте, что на самом деле вина эта лежит не на вас. Вина эта лежит на тех, кто организовал такое гнусное дело. Впрочем, ничего еще до конца неизвестно, и вам необходимо держаться как можно более твердо, призвав на помощь все свое мужество. Скажите, вы верующий человек?

– Нет, – искренне признался Иван.

– Это не так, – ответил его собеседник. – Раз вы признаете существование сатаны, – а не признавать его после всего случившегося вы просто не можете, – то вы должны признать и существование его антипода, то есть Бога. О, поверьте, я много размышлял об этом, у меня были на то причины, и я вам постепенно обо всем расскажу. А пока просто поверьте мне на слово, и попытайтесь, хотя бы немного, согласиться с существованием Того, кто единственный может вытащить вас из той бездны, в которой вы оказались.

– Вы говорите, что тоже столкнулись с аналогичными силами, повлиявшими на вашу дальнейшую жизнь, – сказал после некоторого молчания Иван. – Не могли бы вы мне подробнее обо всем рассказать?

– Охотно, мой друг, охотно, и начну это делать прямо сейчас! – воскликнул его собеседник.

История сокамерника Ивана была трагической, и вместе с тем удивительным образом дополняла его собственную историю. Сейчас Александру Степановичу было тридцать девять лет, и, по его словам, он знал, что навряд-ли перешагнет сорокалетний рубеж. Жизнь для него потеряла всякий смысл, и лучшее, как он считал, было бы умереть в тюремной камере от туберкулеза, чем опять возвращаться на волю. Начиналась жизнь его, однако, вполне безмятежно, он родился на юге, на берегу теплого моря, и рос довольно избалованным, и даже пресыщенным молодым человеком. Родители потакали малейшим его прихотям, подогревая в нем тщеславие и самолюбие. Он рос в уверенности, что обязательно совершит нечто великое, что он не такой, как другие, и что ему позволено то, на что другие никогда не смогут решиться. Без труда поступив в Москве в институт, он и здесь вел жизнь безалаберную и довольно циничную, и, безусловно, стал бы со временем рядовым инженером, не особенно выделяющимся из компании своих сверстников. Да и не было в нем, как выяснилось со временем, особых талантов, а было лишь одно самомнение и тщеславие, которые так глубоко проникли внутрь его личности, что избавиться от них он уже не мог. Короче говоря, дальнейший путь его прослеживался довольно ясно и четко, и он в конце-концов, как уже говорилось, благополучно бы закончил учебу, став рядовым инженером, если бы не одно трагическое обстоятельство. То ли в шутку, то ли всерьез, – сейчас он уже не мог на это точно ответить, – он заключил на листе чистой бумаги договор с дьяволом, подписав его собственной кровью. В договоре, написанном на этом листе чистой бумаги, и подписанным собственной кровью, он обязался отдать свою бессмертную душу за все блага и все тайны земли, которые только смогут ему доставить. Такое обращение к потусторонней силе было, на первый взгляд, диким и абсолютно бессмысленным в стране победившего атеизма, и, скорее всего, действительно было просто обычной шалостью, эдакой бравадой самоуверенного и циничного студента. К тому же все происходило ночью, в общегитии, при свете свечи, в возбужденном состоянии, вызванном алкоголем, и поначалу казалось просто невинной шуткой. Однако позже, когда все уже зашло слишком далеко, и ничего изменить было нельзя, он понял, что в стране победившего атеизма, то есть отринувшей Бога, обращение к его извечному антиподу, дьяволу, было закономерным и очень логичным. Он подозревал, глядя на окружающих его людей, что так поступали многие, что это, то есть обращение к дьяволу и заключение с ним необходимого договора, вообще чуть ли не стало в стране эпидемией, но эпидемией тщательно скрываемой, и маскируемой совсем другими лозунгами. Стремительное возвышение многих людей, поразительные успехи тех, кто вчера был абсолютно ни на что не годен, возвышение льстецов, лжецов и убийц, и огромные материальные блага, получаемые ими, были невозможны без прямого обращения к сатане. Со временем он научился опознавать подобных себе по некоей незримой печати, по некоему клейму, поставленному на них, вполне, однако, видному посвященным. Очень часто, путешествуя в электричках, он наблюдал, как цыганки, вызвавшие погадать пассажирам, отшатывались от них, как от нечистой силы, взглянув на линии рук, и в ужасе убегали прочь. Он знал тогда, что убегали они от такого же, как он, прокаженного, заклеянного страшным незримым клеймом.

Начиналось же, однако, все очень неплохо. Очень скоро после заключения пресловутого договора на него, словно из рога изобилия, посыпались разного рода благоденствия. Он женился на первой красавице курса, поступил в аспирантуру, и, закончив ее, получил хорошую работу в Москве. Карьера его стремительно продвигалась вперед, уже в двадцать пять лет он был молодым, подающим большие надежды ученым, но вдруг все разрушилось самым трагическим образом. Жена его погибла в автомобильной катастрофе, его обвинили в плагиате, и лишили ученой степени, он лишился работы и квартиры в Москве, и вынужден был уехать на юг, в город своего детства. И тут, как в чудесном сне, все повторилось сначала. Ему хватило ума понять, что все это неспроста, что все это непосредственно связано с тем договором, который он по малодушию заключил, и он попытался избавиться от этого договора. Он сжег его в торжественной обстановке, при свечах, с бокалом шампанского в поднятой руке, и решил, что начнет теперь все сам, без помощи от кого бы то ни было. Некоторое время он жил в этой иллюзии. Он вновь женился на красивой женщине, в нем вдруг открылся дремавший ранее литературный талант, и он очень быстро, всего за несколько лет, стал довольно модным писателем, известным даже в Москве, и сочиняющим истории о космических путешествиях. У него опять был свой дом, прочный достаток и все возрастающая литературная слава. И опять, как в первый раз, все в одночасье разрушилось абсолютно трагическим образом. Дом его сгорел, жена от пережитого шока сошла с ума, а он, потеряв всякую охоту писать, на несколько лет впал в депрессию, утратив всякий интерес к окружающей жизни. Вдобавок ко всему, он вдруг обнаружил тот страшный договор с дьяволом, который когда-то сам, в торжественной обстановке, при свечах, и с бокалом шампанского, сжег собственными руками. Но этот некогда сожженный договор вдруг опять восстал из пепла, как будто напоминая, что от прошлого избавиться невозможно. О нем очень быстро забыли, и он оказался у моря, как в сказке, рядом с разбитым корытом своей несостоявшейся жизни. И вновь, как уже было до этого, у него вдруг все наладилось. Словно бы некая таинственная сила, вдоволь наигравшись с ним, натешившись его слезами и горем, опять предлагала ему некий шанс вновь подняться с колен. В стране началась перестройка, и он, поверив вдруг в ее небывалые возможности, опять ощутив в себе вкус к жизни, ринулся со всей головой в этот внезапно открывшийся водоворот. Очень быстро он стал известным журналистом, пишущим об экологии и о правах человека. Его стали охотно печатать в столичных газетах, его имя стояло в одном ряду с другими известными именами лучших журналистов страны. Его влияние постепенно возрастало, он переехал из маленького городка в столицу области, и даже стал депутатом местного законодательного собрания. И все это было лишь началом его дальнейшего продвижения вверх, к самым вершинам журналистской и политической славы. В нем вновь кипели неистощимые силы, и вновь незримая и потайная рука, вдоволь натешившись его былыми падениями, вела его через жизнь к новым успехам и новым свершениям. Он женился в третий раз на женщине поразительной красоты, очень взбалмошной и экстравагантной, с которой, как он считал, можно будет вновь, уже в третий раз, начинать поход на Москву. И опять, как и в первые два раза, у него в одночасье все разрушилось и погибло. Жена неожиданно изменила ему с местным чиновником, о котором он доподлинно знал, как об абсолютном ничтожестве, и вместе с ним укатила в Москву. Он бросил дом, бросил собаку, к которой был необыкновенно привязан, и которая, по существу, осталась его единственным другом, бросил налаженные и накатанные связи, и малодушно бросился вслед за женой. Предварительно, однако, сознавая, что гибнет он неспроста, он опять достал тщательно спрятанный, и успевший уже пожелтеть от времени договор с дьяволом, заключенный им по малодушию в студенческие годы, и вновь попытался его сжечь. Увы, это сделать было невозможно! Как всегда, сожженный дотла, договор вновь, прямо у него на глазах, восставал буквально из пепла, и он находил его то здесь, то там, в разных местах квартиры, безобидно лежащим среди прочих бумаг. Он не мог избавиться от этого договора, он не мог избавиться от роковой ошибки молодости, от этого страшного, тяготеющего над

ним проклятия, и был вынужден жить с ним дальше, заранее зная, что, получив на время все оговоренные в договоре блага, он в конце-концов их обязательно потеряет. У него словно бы горела под ногами земля, его близкие погибали, сходили с ума, или предавали его; его деньги превращались в жалкие конфетные фантики, а его счастье и сама жизнь горели на страшном подземном огне, который по неосторожности он сам извлек на поверхность. Но выхода у него уже не было: он вновь бросил все, и ринулся вслед за сбежавшей женой.

Довольно быстро он ее разыскал. Она уже бросила своего временного любовника, который от горя, кажется, покончил с собой, и сейчас прожигала жизнь в компании каких-то подонков, обитая в сомнительном притоне, больше похожим на публичный дом. Он поселился под Москвой в квартире какой-то старушки, сжигаемый безумной любовью к жене, которая временами то приближала его к себе, кидая, как щенку, жалкую кость надежды, то опять прогоняла прочь. Он потерял всю свою гордость, у него совсем не осталось денег, истрепалась одежда, он перебивался случайными заработками, время от времени выполняя безумные прихоти жены, ставшей обыкновенной шлюхой, и уже не скрывавшей этого. Он давно уже проклял свой договор с дьяволом, понимая, что именно тот довел его до нынешнего состояния, и не раз уже, падая на колени, страстно взывал к Богу, умоляя о смерти. Он стал посещать церкви, став со временем верующим человеком, надеясь, что когда-нибудь над ним сжалятся, и прекратят его страшное хождение по мукам. Этой зимой, вновь ненадолго обласканный женой, он был опять безжалостно брошен ею. Был январь месяц, самый разгар крещенских морозов. Зайдя в одну из церквей, он стал страстно молиться, но был вынужден покинуть ее, так как сюда вошла группа из каких-то странных богомолков, почти что юродивых, которые истово бились о пол, и, закатывая глаза, и даже пуская изо рта пену, о чем-то просили на непонятном ему языке. Он поспешно зашел в другой храм, но и сюда, сразу же за ним, ворвались бесноватые женщины, и вновь стали биться о пол, и, закатывая глаза, о чем-то кричать в гулкой тишине храма. Ужас охватил его, он вновь выбежал вон, и побежал по Москве, совершенно не разбирая дороги. Страшные богомолки, кажется, бежали следом за ним. Он не сомневался, что это все неспроста, что все это подстроено заранее, что ему, возможно, специально не дают попросить в тишине храма о ниспослании не то смерти, не то спасения. Разум покидал его, и черная волна безумия постепенно вливалась в его мозг и его душу. Он уже плохо соображал, где находится в настоящий момент. Рядом замелькали зубцы кремлевских стен, потом он побежал по брусчатке Красной площади, и, наконец, очутился рядом с Лобным Местом. Не понимая уже, что делает, он перешагнул через цепочку, закрывающую проход, зашел внутрь круглого пространства, и, обхватив руками небольшой центральный столб, застыл у него, понимая, что дальнейшего исхода у него нет. Что это конечный путь всей его безумной жизни, и что это, очевидно, тот эшафот, на котором наконец-то прервутся его страдания. Его тут же арестовала милиция, и, как и в случае с Барковым, поначалу посчитала сумасшедшим, но проведенная экспертиза не подтвердила этого. Тогда, поскольку дело было в двух шагах от Кремля, ему настойчиво стали советовать признаться в неких террористических намерениях. Ему было уже все равно, и он безропотно подписывал все бумаги, заранее зная, что из тюрьмы назад уже не вернется. В тюрьме, кстати, он встретил свой тридцать девятый день рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.